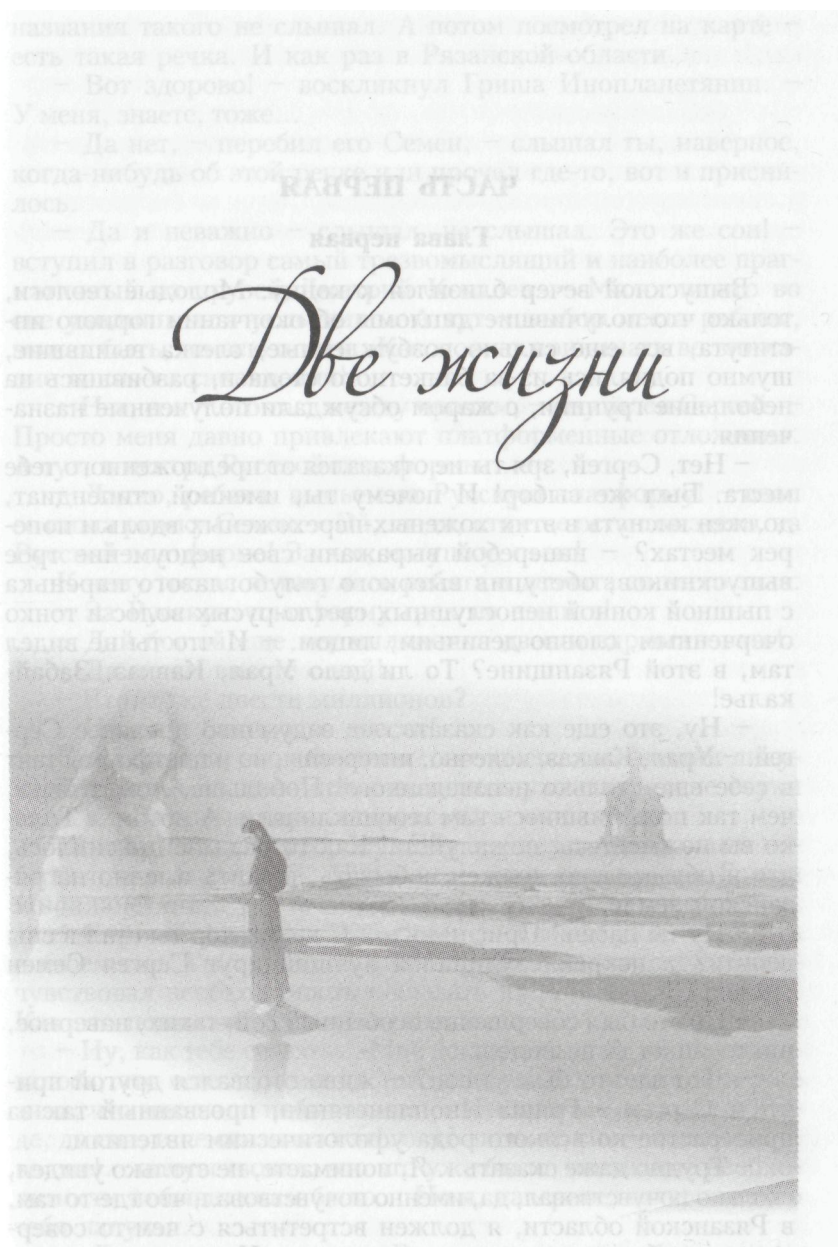

The book cover features a monochromatic blue-toned illustration. In the upper half, a close-up of a person's face is shown, with large, expressive eyes looking upwards. In the lower half, a figure is depicted lying down, possibly a child, with their head resting on a surface. The overall mood is contemplative and artistic.

Владимир Корчагин

Две жизни

 ТАТАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Выпускной вечер близился к концу. Молодые геологи, только что получившие дипломы об окончании горного института, все еще сильно возбужденные, слегка выпившие, шумно поднялись из-за банкетного стола и, разбившись на небольшие группки, с жаром обсуждали полученные назначения.

- Нет, Сергей, зря ты не отказался от предложенного тебе места. Был же выбор! И почему ты, именной стипендиат, должен кинуть в этих хоженных-перехоженных вдоль и поперек местах? - наперебой выражали свое недоумение трое выпускников, обступив высокого голубоглазого паренька с пышной копной непослушных светло-русых волос и тонко очерченным, словно девичьим, лицом. - И что ты не видел там, в этой Рязанщине? То ли дело Урал, Кавказ, Забайкалье!

- Ну, это еще как сказать... - задумчиво произнес Сергей. - Урал, Кавказ, конечно, интересны, но и платформы таят в себе еще столько неизведанного! Побольше, может быть, чем так полюбившиеся вам геосинклинали. А потом... Только вы не смейтесь, пожалуйста! Как-то раз мне приснилось, что я обязательно должен побывать, пожить именно на рязанской земле.

- Ну ты даешь! Приснилось... С каких пор ты стал в сны верить? - искренне удивился лучший друг Сергея Семен Дымов.

- Но это был совершенно особенный сон, таких, наверное, никто никогда не видел.

- Что же это был за сон? — живо отозвался другой приятель Сергея — Гриша Инопланетянин, прозванный так за пристрастие ко всякого рода уфологическим явлениям.

- Трудно даже сказать... Я, понимаете, не столько увидел, сколько почувствовал, да, именно почувствовал, что где-то там, в Рязанской области, я должен встретиться с чем-то совершенно необычным, невероятно важным. И даже место уточнялось: в бассейне какой-то речки Ермишь. До этого я и названия такого не слышал. А потом посмотрел на карте - есть такая речка. И как раз в Рязанской области.

- Вот здорово! - воскликнул Гриша Инопланетянин. —' У меня, знаете, тоже...

- Да нет, - перебил его Семен, - слышал ты, наверное, когда-нибудь об этой речке или прочел где-то, вот и приснилось.

- Да и неважно - слышал, не слышал. Это же сон! - вступил в разговор самый трезвомыслящий и наиболее прагматичный из друзей Дмитрий Ковалев. - Мало ли что во сне увидишь или услышишь. А тут - выбор места работы, может быть, на всю жизнь. Как можно принимать во внимание какие-то сновидения!

- Нет, сон - это так, между прочим, - смутился Сергей. - Просто меня давно привлекают платформенные отложения. А тут, в центре Русской платформы...

- Ладно, ребята, выпьем за Русскую платформу! - взял со стола рюмку Семен. - Эй, люди, кто еще остается здесь, на Русской платформе! За нее, матушку, пьем!

К нему тотчас потянулись ребята и девчата со всего зала:

-за Русскую платформу грех не выпить!

- Дай бог ей еще лет миллионов двести здравствовать!

- Да и нам вместе с ней!

- Что, тоже двести миллионов?

- Ну хотя бы просто двести!

Смех, шутки, звон бокалов - все смешалось в один ликующий гул. А из динамиков полились уже чарующие звуки вальса. И первые пары закружились меж столов.

Сергей отошел в сторону. Ему почему-то захотелось побыть наедине с собой. Но к нему уже пробирался Гриша Инопланетянин.

- Слушай, Серега, - зашептал он в самое ухо, - я опять о твоём сне. Ты сказал, что не столько увидел, сколько почувствовал необходимость побывать на этой твоей Ермиши. Как это понимать - почувствовал?

- Ну, как тебе сказать... Мне показалось, там, во сне, показалось, что еще задолго до того как увидел этот сон, я уже знал, что мне надо побывать на рязанской земле, хотя прежде, до сна, и не осознавал этого. И лишь во сне - понимаешь, во сне! - почувствовал, что это уже было, осознание необходимости побывать там было... Но я, наверное, окончательно тебя запутал.

- Да нет, я все понял. Ведь у меня тоже было нечто подобное. Я не раз видел во сне, что, будучи уже взрослым,

работаю. Живу будто где-то в другом месте, совсем не таком, как здесь, а работаю... Ты не поверишь, служу... священником.

- Священником?!

- Да- да! И снилось мне это во всех деталях, со всеми подробностями: и риза будто на моих плечах, и кадило в руках, и свечи кругом, и толпа молящихся. Да если бы раз такое приснилось, ну два, три... Так нет же, что ни ночь - я снова в церкви. И церковь, понимаешь, все время одна и та же, словно я всю жизнь в ней провел, все уголки там облазил. Но главное я, так же, как и ты, все время чувствовал, именно чувствовал, что я что-то не доделал, не закончил там, что мне надо обязательно вернуться туда, что-то разыскать там, что-то завершить в церковных делах.

-только в церковных?

- Если б только в них! - вздохнул Гриша.

- Что же еще?

- А еще... - друг заметно смешался, но тут же решительно рубанул рукой воздух. - А- а, говорить так - все! Так вот, свершаю будто я однажды в своей церкви службу, кругом, как всегда, толпа молящихся. А толпа, сам знаешь, толпа и есть: я в ней и отдельных лиц не различаю. И вдруг вижу - глаза. Огромные, красивейшие девичьи глаза! И такая в них ласка, такой призыв, что я чуть голоса не лишился. И сама она, поверишь, будто ангел небесный... Ну, да мало ли, думаю, всяких прихожан. Пришла она и уйдет. Мое дело - Богу служить. А только с тех пор, что ни день, только ее одну и ищу в толпе. А она ни одной службы не пропускает и тоже вроде глаз с меня не сводит. Словом, лишился я всякого покоя. Но кто она - ума не приложу. И спросить никого не смею, ведь как- никак священник. Ну, думаю, придет на исповедь, сама все скажет. И вот вижу, наступил такой день. Подходит она ко мне ни жива ни мертва. И сам я будто дрожу как в лихорадке. Но все стараюсь делать чин чином. И только хочу произнести первые слова молитвы, как - хоп! - сон проходит. В другой раз -то же самое. И так без конца: стоит ей подойти ко мне, как сон долой! Так мы и не обмолвились ни единым словом. Я понимаю, все это ерунда, конечно, но вот засела у меня в голове идиотская мысль: кажется мне, что эта дивчина где-то есть на самом деле. И должен я ее обязательно разыскать. Но где все это происходит, где эта самая церковь, в деревне ли в какой, в городе, я так и не знаю... Тебе больше повезло. Мне бы эту твою Ермишь! А то еду вот в Уренгой. А зачем еду, и сам не знаю. - Он чуть

помолчал. -только ты никому не говори о том, что я рассказал, а то снова начнут хихикать: знаем мы, мол, этого Инопланетянина.

- Нет, Гриша, все это останется между нами. Тем более что оба мы столкнулись, по-видимому, с чем-то очень схожим. Поэтому давай условимся не терять друг друга из вида, писать время от времени, ты мне - в Рязанское управление, я тебе - до востребования, в Уренгой.

- Лады! Только... кажется мне, что ты не все рассказал о своем сне.

- Да там все было так неопределенно...

- Ну что ж, тогда до свидания. Я тоже не засижусь здесь.

Друзья обменялись прощальным рукопожатием, и Сергей вышел из душного гудящего зала. За спиной его еще грохотала музыка, слышались раскаты веселого смеха. Но все это казалось уже в прошлом. Впереди было что-то совсем другое, новое, еще неведомое, жадно манящее, хотя и полное неожиданностей и тревог.

Глава вторая

Да, Сергей не все сказал Грише о своем сне. Не сказал, пожалуй, самого главного. И прежде всего, что сон был не один. В первый раз Ермишь эта приснилась ему еще зимой, когда он вдруг увидел себя в небольшой сельской кузнице, и не в роли стороннего наблюдателя, а мальчишкой-подмастерьем, отданным в обучение к кузнецу - крепкому, кряжистому старику с пышной, окладистой бородой и седой гривой волос, перехваченной узким кожаным ремешком. И было ему в том сне всего каких-нибудь четырнадцать-пятнадцать лет, одет он был, как положено, в холщовую рубаху- косоворотку и пестрядинные штаны, заправленные в онучи, обут в полу стоптанные лаптишки, подпоясан издавшим виды кожаным фартуком. И все это казалось совершенно естественным, не вызывало ни малейшего удивления, как и то, что в руках его были длинные тонкие щипцы, которыми он привычным движением удерживал на наковальне раскаленную докрасна железяку, по которой кузнец бил тяжелым молотом, выковывая то ли подкову, то ли дверную скобу. И что было удивительным, так это то, что в открытую дверь кузницы, стоящей на берегу небольшой речки, было видно, как почти к самому берегу подплыли две большие белые птицы с грациозно изогнутыми шеями и гордо поднятыми головами.

- Глянь-ка, дядя Егор, отколь это такие птицы на нашей речке?
- А это лебеди, сынок. Я их не раз видел здесь на Ерми- ши. Видно, с господских прудов. Надоело им там в неволе сидеть, они и рады- радешеньки вырваться на волю. Я пробовал даже их хлебушком прикармливать. Да где там!.. А ты вот что - возьми-ка ведро да принеси свежей водицы.
- Со Святого ключа?
- Не из речки же.
- Так это я мигом!
- Ступай- ступай, а я посижу покурю малость.

Святой ключ с притулившейся к нему часовенкой был неподалеку: стоило подняться на пригорок и перейти дорогу - тут и родничок. Но едва Сергей напился сам и наполнил водой ведро, как издали послышался шум приближающейся повозки. Шум быстро нарастал, и по мягкому шелесту колес и мерному цокоту копыт можно было заключить, что едут господа.

Стоило ли лишний раз мозолить им глаза! Сергей отставил ведро в сторону и отступил в тень часовни.

Слух никогда еще не обманывал его. И точно, не прошло и нескольких минут, как из рощи, подступавшей к самой реке, вырвалась на мост тройка резвых рысаков, впряженных в роскошный легкий экипаж.

Сергей попятился к часовне. Да и было отчего: съехав с моста, тройка пулей промчалась по-над самым родником, обдав его облаком пыли. Однако он успел рассмотреть, что в экипаже, кроме кучера, сидела молодая, красивая барышня примерно одних с ним лет, и барышня эта, кажется, не без интереса взглянула на него и даже улыбнулась из-под белой соломенной шляпки.

А Сергей как стоял, прижавшись к холодному камню часовни, так и остался стоять, забыв, зачем он сюда пришел и что ему надо делать. Что-то вдруг ёкнуло у него в груди, и щемящий озноб пробежал по всему телу. Как он хотел бы снова, еще хоть раз, взглянуть на очаровательную барышню. Но уносивший ее экипаж уже растаял в знойном мареве, и все потонуло в сплошном сером тумане, сквозь который явственно проступал... переплет окна изрядно поднадоевшей комнаты студенческого общежития. Сон закончился...

Стоит ли говорить, что весь тот день юноша ходил под впечатлением только что приснившегося. И дело было не столько в том, что он самым невероятным образом увидел себя чуть ли не в позапрошлом веке, сколько в том, что де-

вушка, неожиданно одарившая его улыбкой, была определенно знакома ему. Он когда-то уже встречался с ней. Но где?!

Тщетно перебирал Сергей в памяти все когда- либо виденные в реальной жизни женские лица - ни одно из них даже отдаленно не походило на лицо привидевшейся барышни из далекого прошлого.

И все это так бы и забылось, как забывается постепенно увиденное во сне. Но этой весной он сильно простудился, схватил воспаление легких и чуть не с неделю провалялся с сорокаградусной температурой в больнице, едва узнавая окружающих. А когда болезнь немного отступила, ему вновь приснилась старая прокопченная кузница, белые лебеди на тихой, заросшей кувшинками реке, одинокая часовня над бьющим из земли родничком. Правда, виделось теперь все это в каком-то хаотическом, быстро меняющемся калейдоскопе вперемешку с другими невиданными ландшафтами, чужими, незнакомыми лицами, серыми шеренгами солдат, увязшими в грязи лафетами пушек, пылающими крышами деревенских хат.

А в конце этого сумбурного сна, в котором он без конца что-то искал, пытался что-то вспомнить, старался что-то понять, разобраться в чем-то чрезвычайно важном, от чего может зависеть вся его последующая жизнь, но что так и осталось непонятым, он вдруг увидел залитое слезами женское лицо. ЕЕ лицо! Оно возникло как-то сразу, неожиданно, без всякой связи со всем увиденным. Возникло так, как показывают иногда в кино лицо

актера крупным планом, когда становится заметной каждая морщинка, каждый волосок на голове, каждая слезинка в сетке ресниц. И стало ясно, что это лицо человека, перенесшего страшное несчастье, потому что в глазах женщины, полных нерастраченной еще любви и нежности, застыла смертельная тоска, а губы исказились от едва сдерживаемых рыданий. Она не произнесла ни звука. Но в голове Сергея уже звучал ее голос - до боли знакомый голос! - и отчетливо слышались слова:

- Я рада, что ты вспомнил обо мне. Твои чувства не обманули тебя. Тебе надо, обязательно надо побывать здесь. Все это было, было...

- Что было? Где побывать? - не понял Сергей.

- Да здесь же, здесь, на нашей Ермиши. Я жду тебя... - лицо девушки вдруг отодвинулось, заволжлось туманом, голос ее прервался.

- Но где эта Ермишь? Как ее найти? - Сергей рванулся вслед ускользающему видению и... проснулся.

Над ним склонилось лицо знакомой медсестры. Она отерла пот с его лица, пригладвила рассыпавшиеся по подушке волосы:

- Вам приснилось что-то страшное? Вы так кричали. Может, дать чего-нибудь успокаивающего?

- Нет- нет! Просто я ... Просто мне приснилось, что я столкнулся с чем-то не совсем понятным.

- Это естественно в вашем положении. Но теперь дело пошло на поправку. Еще день- два, и вы забудете о ваших ночных кошмарах. Хорошо, что вам удалось сейчас быстро проснуться.

Юноша лишь молча покачал головой. «Хорошо, что проснулся»... Куда уж лучше! Ведь он так и не узнал, что хотела сказать ему приснившаяся незнакомка. Да и незнакомка ли? Только теперь, окончательно проснувшись, он до конца осознал, что эта плачущая девушка и та феерически ворвавшаяся в его недавний сон красавица, вихрем промчавшаяся в роскошном экипаже по-над Святым ключом, - одно и то же лицо, а главное, он снова, как и в тот раз, не мог отделаться от мысли, что знал эту женщину, встречался с ней не раз, слышал ее голос, только не мог вспомнить, где и когда это было.

Но как объяснить все это? Он всегда, с юношеских лет, отличался завидной памятью. Да и как можно было, раз увидев, забыть эти огромные, бездонные, как небо, глаза, этот тонкий, словно выточенный из чистейшего сердолика, овал лица, этот нежный, чарующий голос. И тем не менее, память упорно отказывалась подсказать, кто она, эта таинственная гостья его снов.

Единственным, что могло пролить хоть какой-то свет на это загадочное обстоятельство, было неоднократное упоминание о некоей речке Ермишь. Но где она, такая река? И существует ли вообще в природе? Эти вопросы не давали Сергею покоя.

Сразу же по выходе из больницы он взял в библиотеке Большой географический атлас и тут же обнаружил, что - о чудо! - такая река есть и течет она почти в центре Европейской России, в восточной части Рязанской области.

Впрочем, это ни на йоту не приблизило его к разгадке таинственных сновидений. В Рязанской области он никогда не бывал и о речке Ермишь никогда ничего не читал и не слышал. И трудно сказать, как сложилась бы его дальней-

шая судьба, если бы в ночь перед распределением он снова не увидел себя во сне на этой Ермиши. И не просто на Ермиши, а опять у знакомой часовни над Святым ключом. Только оказался он там на этот раз глубокой ночью, и не один, а со старым кузнецом, который почему-то называл себя теперь его отцом. В руках Сергея была лопата, а кузнец держал небольшую, залитую смолой металлическую коробку и тихо, с тоской в голосе говорил:

- Вот тут я уложил и свой подарок - выкованный тебе кинжал, и то, что ты отдал мне на сохранение, стало быть, память о Настасье, сердечной. Я сохранил бы это в целости и сохранности. Но сам знаешь, какие мои годы, не ровен час, не дождусь тебя. Да и старуха

моя недолго проскрипит. А больше у нас - никого. Только ты и был что свет в оконце. Думали еще и деток твоих понянчить. Да Бог судил иначе. Когда ты теперь вернешься - одному ему известно. Царская служба - чуть ли не на всю жизнь. Вот я и удумал спрятать все это здесь, закопать возле часовни, - место приметное. И знать об этом будем только ты да я. Вернешься целым и невредимым, выкопаешь наш клад, вспомнишь и меня, и ее, горемычную. Ну а не вернешься - все останется тут, в матушке- земле сырой. На веки вечные...

- Так что же это - конец?! Совсем конец?! - с трудом разжал сведенные болью губы Сергей. - И я никогда больше не увижу ее, мою ненаглядную?

- как Бог даст...

Старый кузнец осенил себя широким крестом. И в тот же миг черный полог ночи будто раздвинулся, седой, туманный полусвет поднялся над уснувшей рекой, и в этом призрачном сиянии явственно проступил образ той, что незримо стояла рядом с ними во все время их разговора. Она словно взмыла над притихшей землей, обратив к ним глаза, полные слез и горя. Печать немой скорби сковала прекрасные девичьи черты, в страстном порыве последней надежды взметнулись ввысь ее трепетные руки, возглас, полный любви и боли, вырвался из ее груди: ?

- Вернись! Вернись ко мне! Я жду... жду... жду...

И тотчас все пропало. Сон кончился. Но долго еще стояли перед его мысленным взором заплаканные девичьи глаза, и долго еще звучали у него в душе ее призывные слова:

- Жду... жду... жду...

Это был последний привет оттуда, с Ермиши, последняя встреча с прекрасной ермишанкой.

Но разве можно было рассказать обо всем этом Грише или кому- либо другому из друзей. Сергей сам порой не верил, что все это видел в своих снах. Но когда на распределении председатель государственной комиссии предложил ему поехать в Рязанское геологическое управление, он не раздумывая согласился.

Глава третья

- Ну что же, рад был с вами познакомиться, - заключил главный геолог управления, закончив просмотр документов Сергея. - такие кадры нам нужны. Вообще нужны, а в данный момент - в особенности. Дело в том, что мы только что сформировали новую геосъемочную партию. Весь состав ее полностью укомплектован, а вот начальника партии пока не подобрали. Так что ваш приезд как нельзя кстати...

- Вы хотите назначить меня начальником партии?! - не поверил своим ушам Сергей.

- Почему бы нет? Все мы с этого начинали. А вам, как говорится, и карты в руки: партии предстоит работать в области развития мезозойских отложений, а вы, судя по этим бумагам, успели познакомиться с ними в полной мере и на производственной практике и в ходе работы над дипломным проектом.

- Так-то оно так, но...

- Никаких но! Считайте этот вопрос решенным. Сегодня же я подпишу приказ, и принимайтесь за дело. Тут вот проектное задание вашей ермишской партии...

- Что?! - Сергей даже привстал от неожиданности. - Вы сказали - ермишской партии?

- Да. А что вас так удивило? Задача партии - двухсоттысячная съемка бассейна реки Ермишь. Базу ее предполагается развернуть в райцентре Ермишь. Это вот здесь, - хозяин кабинета ткнул пальцем в висящую за его спиной большую карту Рязанской области. - Отсюда и название партии. Но вы чем-то определенно взволнованы. У вас были какие-то другие планы?

- Нет, просто я... Просто я слышал об этих местах.

- Места изумительные! - отозвался главный геолог. - Когда-то там располагались усадьбы знатнейших вельмож Российской империи. Теперь, правда, ничего этого не осталось... Природа там, скажу я вам, - райский уголок! Но мы

отвлеклись немного. Так вот, о проектном задании партии, Геологическая съемка там уже проводилась, но на каком уровне... Достаточно сказать, что все коренные отложения были определены как «просто мезозойские». Как вам это нравится - «просто мезозойские»?.. Так что ваша первейшая задача - расчленить их по крайней мере до яруса. Ну да все это вы прочтете в означенном задании. Теперь о партии. Весь состав ее, как я уже сказал, укомплектован. Машина на ходу. Буровой отряд, младшие геологи, коллекторы, радиометристы, топографы готовы хоть сегодня выехать в поле. Только вот старший геолог партии...

-тоже пока не подобран?

- Нет, старший геолог давно подобран. И какой геолог! Правда, лишь со средним геологическим образованием и не столь большим опытом работы, но как специалист - такого поискать! А главное - мезозойские отложения для нее что открытая книга. Прошлогодний отчет ее по соседнему с вашим району получил высочайшую оценку. Начальники партий готовы были передрасться из-за такого помощника. Но Софья Васильевна прямо заявила, что поедет только в составе ермишской партии.

- Так это женщина?! - не мог скрыть своего разочарования Сергей.

- А вас это не устраивает?

- Нет, почему же, встречаются и среди женщин превосходные геологи.

- «Встречаются»! Да эта женщина трех мужиков стоит. И не только как геолог.

- Но вы выразили какое-то сожаление...

- Да, Софья Васильевна приболела немного. Перенесла небольшую операцию. По поводу аппендицита, что ли... Так что выезд ее в поле немного задержится. А вот вам надо спешить. Полевой сезон уже начался. Дорог каждый день. Даю вам неделю на сборы - и в путь!

Из кабинета главного геолога Сергей вышел полным самых противоречивых чувств. Это были и недоумение, и радость, и тревога, и ожидание чего-то совершенно необычного. Казалось, сама судьба толкает его на таинственную Ермишь. Что-то ждет его там?..

Впрочем, вся первая неделя его самостоятельной работы в управлении оказалась настолько заполненной всякого рода неотложными делами, связанными с подготовкой к выезду в поле, знакомством с коллективом партии, уточнением проектного задания, что он почти забыл о всех своих снах и предчувствиях и только в последний день вспомнил, сто надо бы навестить своего старшего геолога...

Путь к ее дому лежал через рыночную площадь, и поскольку Сергею предстояло знакомство с женщиной, да еще не совсем здоровой, то он решил, что неплохо будет явиться к пей с цветами и коробкой конфет. Правда, покупая букет роскошных полураскрытых тюльпанов, он невольно вспомнил слова главного геолога, что будущая помощница его трех мужиков стоит, и не мог мысленно не усмехнуться, представив высоченную, с плечами в сажень и огромными, здоровенными руками бабищу с ястребиным взглядом и громоподобным голосом. Но не на свидание же он шел к любимой девушке - коллег по работе в экспедиции заранее не выбирают. Да, может быть, и лучше, что рядом с ним в поле будет не какая-то кисейная барышня, а мужеподобная царь-баба, которой любые трудности нипочем. Такой он и ожидал увидеть старшего геолога ермишской геосъемочной партии.

Но то, что в действительности предстало перед его глазами, было настолько неожиданным, что он готов был окончательно поверить в какое-то предначертание свыше. Когда, поднявшись на четвертый этаж огромного, многоквартирного дома он отыскал на полутемной площадке едва различимый номер указанной ему квартиры и несмело нажал на кнопку звонка, дверь открыла невысокая худенькая женщина в легком домашнем халатике и войлочных туфлях на босу ногу.

- Простите, пожалуйста, - обратился к ней Сергей, - я, видимо, ошибся номером. Мне нужно увидеть Софью Васильевну Рябинину.

- Нет, вы не ошиблись, - просто ответила женщина. - Софья Васильевна - это я.

- Вы?! - воскликнул Сергей, не в силах скрыть величайшего удивления и замешательства, вызванных таким неожиданным сюрпризом судьбы. Только теперь сумел он рассмотреть, что перед ним стоит совсем еще юная девушка с ясными серыми глазами, прелестнейшей фигуркой и удивительно милым, открытым лицом. Но главное - было в ней что-то от той загадочной незнакомки, которая являлась ему в недавних снах. Нет, она не была точной копией ермишской барышни- дворянки, встретившейся ему на Святом ключе. Но что-то неуловимо похожее виделось в выражении ее глаз, характерном овале лица, изгибе тонкой, будто прозрачной, шеи, манере держаться и говорить. И голос ее, мягкий, нежный, как тихое журчание ручейка, был почти в точности такой, какой он слышал во сне.

- Да, что я, продолжала она, словно не намечая замешательства Сергея. А вы мой начальник Сергей Петрович Нестеров. Так ведь?

- Так, - кивнул он, все еще не придя в себя от такого открытия. - А как вы догадались, что это я?

- Ну, во- первых, я именно таким вас и представляла, - улыбнулась Софья. - А потом... не могли же вы не зайти ко мне перед тем как уехать в поле. Я ждала вас. Правда, то, что вы придете с тюльпанами, мне, конечно, не могло и в голову прийти. Это вообще, наверное, первый случай в истории русской геологии, когда начальник партии приносит своему старшему геологу цветы. Но я тронута. Тем более что... Да нет, это я так... - почему-то смутилась она. - Но что вы стоите, Сергей Петрович? Проходите, пожалуйста, я вас чаем напою.

- Чай - это хорошо. Я, признаться, даже пообедать забыл сегодня.

- Еще бы! Знаю я, как это бывает перед отъездом в поле. Сейчас я все организую. Взгляните пока на эти образцы ископаемой фауны, собранные мною в соседнем районе в прошлом году. Это нам очень пригодится. А я - мигом!

Действительно, не успел Сергей просмотреть и половины образцов, как Софья вскипятила чай, выставила на стол хлеб, колбасу, сыр, фрукты и даже переделалась в простенькое, но очень элегантное платье.

- Садитесь, Сережа, - неожиданно назвала она его просто по имени. - И не церемоньтесь, пожалуйста. У геологов это не принято.

Самым удивительным было то, что в ней снова не было заметно ни тени смущения, в то время как Сергей, даже сидя за столом, не мог отделаться от ощущения, что все происходящее нереально, почти продолжение его снов.

- Так что, вы так одна и живете? - спросил он первое, что пришло в голову, лишь бы не молчать.

- Так одна и живу, - просто ответила Софья, - вернее, наезжаю сюда время от времени, потому что дом для геолога - понятие довольно относительное. Он лишь гость в своих пенатах. А вы? Где вы оставили свой дом и семью?

- А у меня вообще нет ни того, ни другого. Выехал я из институтского общежития, приехал в здешнюю гостиницу. Ну а семья... Отца и мать я едва помню: война поглотила обоих. В детстве я жил с бабушкой. Теперь не стало и ее. Не осталось и других родственников.

- Так я и думала.

- Почему?

- Не знаю. Может быть, потому, что сама пережила нечто подобное. Да вы, наверное, знакомы с моим личным делом. Обязаны были ознакомиться.

- Да, - не стал лукавить Сергей. Он действительно внимательно просмотрел дело своего старшего геолога и знал, что воспитывалась она в детском доме, закончила геологоразведочный техникум по специальности палеонтология и вот уже четыре года работает в Рязанском геологическом управлении, неизменно выезжая в поле в составе геосъемочных партий. - Да, я знаю о вас почти все. Не знаю только, почему вы решили войти в состав непременно ермишской партии.

- Вам и это доложили! Что же, я отвечу на этот вопрос. Только не сейчас, а там, на Ермиши. Хорошо? — она как-то загадочно улыбнулась, и Сергей вновь поймал себя на мысли, что так могла улыбаться лишь та таинственная незнакомка, чей образ преследовал его теперь и днем и ночью.

- Хорошо. Тогда скажите, а вы уже были когда-нибудь там, на этой реке?

- Нет, еще не была. Но в прошлом году мы вели съемку в соседнем районе, и мне, естественно, приходилось иметь дело с геологической документацией бассейна Ермиши. Хотя, как вы, наверное, уже знаете, наши предшественники там такого наворотили!

- Да, я детально проштудировал проектное задание. Вы ведь тоже знакомы с ним?

- Знакома? Я один из авторов этой работы.

- Вот как! Тогда мне остается в будущем лишь не мешать вам работать.

- Ну не скажите. Работать будем вместе. И львиная доля достанется вам. Кстати, вы знаете, почему наши предшественники выдали на- гора такую липу?

- Нет, не знаю, - признался Сергей.

- А вы никогда еще не были в этих краях?

- Ни разу в жизни.

- И никогда ничего не слышали о тех, кто селился на берегах Ермиши в прошлые века?

- А что о них можно было слышать? - насторожился Сергей.

- Ну мало ли... Ведь там, говорят, проживали такие богатеи, каких во всей России можно было по пальцам пересчитать.

- Мне сказал что-то подобное Павел Петрович, главный геолог, при нашем первом знакомстве.

- А он не сказал, что, по местным поверьям, вся ермишская земля буквально напичкана всякого рода кладами, которые якобы закопали эти богатеи?

- Нет, об этом речи не было, - ответил Сергей, невольно вспомнив свой последний сон.

- Так вот, наши предшественники, как я узнала, только и занимались поисками этих кладов, вместо того чтобы как следует разобраться в геологическом строении района. Слава Богу, что вы не наслышались таких сказок.

- Да я вообще до сих пор не слышал ни об этой Ермиши, ни о ее старожилах, - сказал Сергей, чувствуя, что краснеет от этой, мягко говоря, неточности в интерпретации своих снов.

- Так уж и не слышали! - мягко подколола его Софья.

«Она что, мои мысли читает?! - подумал в смятении Сергей. - Не хватает еще признаться ей в своих снах», а вслух сказал как отрезал:

- Да, не слышал.

- Может быть, может быть... - почему-то вздохнула Софья. - Ну а когда в поле? - явно постаралась она переменить тему разговора.

-завтра утром выезжаем. Завхоза я еще позавчера выслал в Ермишь, чтобы заранее подготовил базу.

- Это резонно. Только хочу вас предупредить, Сережа, будьте осторожны с Яриным. Я уже работала с этим завхозом - опасный человек. Ни в коем случае не доверяйте ему никаких финансовых операций, не оставляйте у него в руках печать, не поручайте никаких договоров с рабочими.

- Спасибо, учту. А как другие работники партии?

-за всех других я спокойна. С ними я тоже работала. Младшие геологи Петр и Степан - отличные ребята. На топографов также можно положиться. Ну а коллекторы и радиометристы - студенты нашего геофака, с ними еще проще.

-зато буровики, наверное...

- С буровым отрядом я просто незнакома. Его сформировали совсем недавно и отправили своим ходом в Ермишь.

Так они проговорили часа полтора и могли бы говорить еще и еще. Но впереди было уйма дел. Сергей поднялся из-за стола:

- Мне пора, Соня.
- Я понимаю. - Она проводила его в прихожую. - До встречи в поле.
- Надеюсь, это будет не к концу сезона.
- Я постараюсь не задерживаться, - она протянула ему обе руки, и он не придумал ничего другого, как прижаться губами к ее тонким пальчикам.
- Ну, это уж совсем не по-геологически, - впервые зарумянилась от смущения Софья.
- Так мы еще не в поле.
- Да, в поле будет не до этого.

Глава четвертая

Нынешний полевой сезон был, разумеется, не первым для Сергея. Он, еще будучи студентом, выезжал на практику по геологической съемке и после второго, и после третьего, и после четвертого курсов. Но одно дело быть практикантом- коллектором или младшим геологом и совсем другое - возглавлять геологическую экспедицию. В полевых условиях начальник партии обладает практически неограниченной властью, но на плечах его лежит и колоссальная ответственность: помимо выполнения плана и соблюдения качества проводимых работ, он отвечает и за расходование финансовых средств, и сохранность машин и оборудования, здоровье и безопасность персонала, обеспечение необходимых бытовых условий, организацию рационального отдыха и даже моральный дух коллектива.

А состав инженерно- технических работников партии бывает крайне неоднородным, не говоря уже о сезонных рабочих, нанимаемых обычно на месте проводимых работ и потому не связанных никакими обязанностями перед управлением. Так что начальнику партии приходится выступать иной раз и в роли судьи, и в роли беспристрастного арбитра, и в роли пастыря- духовника, выслушивающего самые невероятные исповеди своих подчиненных. Все это Сергею пришлось испытать с самого начала работы в поле, и трудно сказать, как бы он справился со всеми этими делами, если бы не его старший геолог.

Она приехала уже через неделю после начала полевых работ, едва он успел сделать несколько рекогносцировочных маршрутов, и сразу с головой окунулась во все дела и заботы партии. Живая, общительная, на редкость неутомимая, она успевала и проложить маршруты съемочным отрядам, и дать задание буровикам и топографам, и проследить за отправкой образцов на анализы, и проконтролировать работу радиометристов, и даже позаботиться о качестве питания работников партии. А главное - она с самого начала взяла в свои руки всю стратегию съемочных работ.

Куда подевалась, где осталась та хрупкая, худенькая девушка с загадочной улыбкой, которая встретила его при первом знакомстве? Здесь, в поле, одетая в потертый, выдавший виды энцефалитный костюм, грубые кирзовые сапоги, старый, выцветший на солнце берет, с неизменно нахмуренными бровями и упрямой складкой на лбу, она являла собой образец полевого геолога, и Сергей навсегда запомнил тот первый день, когда она, едва спрыгнув с машины и забросив нехитрый багажишко в приготовленную для нее боковушку в арендованном под базу доме, сразу же прошла в камералку и принялась просматривать полевые дневники его первых маршрутов. А он стоял перед ней, как нашкодивший первоклашка перед строгой учительницей, боясь хоть словом нарушить затянувшееся молчание.

- Да, этого следовало ожидать, - произнесла наконец Софья, перевернув последнюю страницу, - во всех обнажениях одно и то же: монотонная толща серых глин и мергелей. Но почему вы ограничились лишь описанием открытой части разрезов, не попытались углубиться в осыпь?

- Так там пришлось бы столько копать...

- Придется копать, Сергей Петрович. К тому же я не вижу описания галечного материала в тальвегах ручьев.

- Но это были рекогносцировочные маршруты.

- Все равно. И потом... Все эти толщи вы проиндексировали как готерив- барремские?

- Да, вы не согласны с этим?

- Согласна. Совершенно согласна. Иначе и быть не может. Но где кончается готерив и начинается баррем?

- А это... - развел руками Сергей. - Это придется еще решать.

- как же вы собираетесь это решать? И вообще -каковы ваши планы на будущее?

- Я полагаю, пора разбиться на отряды и начать систематическую съемку. В ходе нее и прояснится вопрос о границе готерива и баррема.

- А если не прояснится? Ведь вы, как я поняла, объехали уже все наиболее перспективные обнажения.

- Но я лишь поверхностно ознакомился с ними. И при более детальном изучении...

- Вот- вот! С этого и начнем. Давайте-ка отправимся завтра поутру вот в эту точку, - указала она карандашом на карте. - Здесь, я вижу, только видимая мощность разреза - шестнадцать метров. А если углубиться в осыпь... Словом, возможно, это обнажение и станет опорным разрезом, поэтому захватим с собой геологов, коллекторов, топографов и там на месте продумаем весь ход дальнейших работ. Должно же что-то подсказать такое громадное обнажение.

- Да, тут есть над чем поразмыслить, - не мог не согласиться Сергей. - И конечно, лучше всем вместе. Вадим Федорович, - обратился он к завхозу, - подготовьте все необходимое для маршрута и предупредите всех, что выезд завтра ровно в семь утра.

- А можно и я поеду с вами? - неожиданно попросил Ярин. - Вы там, наверное, весь день пробудете, так я бы и обед сварганил.

- Поехали, места в машине хватит, - ответил Сергей. - Вы не против, Софья Васильевна?

Но та лишь махнула рукой:

- Решайте сами.

На следующий день утром на просторном дворе базы собрались почти все работники партии. День обещал быть погожим. Легкий туман, нависший было над рекой, быстро рассеивался. Яркое солнце весело играло на стеклах чердачных окон. Воздух звенел от десятка возбужденных голосов. Во всем чувствовалось ожидание чего-то важного, значительного.

. Младшие геологи снова и снова просматривали свои планшеты, коллекторы и радиометристы подгоняли рюкзаки, проверяли горные компасы, эклиметры, радиометры, пробовали прочность насадки своих молотков. А самые нетерпеливые уже заглядывали в кузов машины, примериваясь, как быстрее занять лучшие передние места.

Но вот из камералки вышли Сергей и Софья, и все столпились вокруг них. Шум сразу стих.

- Итак, друзья, - начал Сергей, - сегодня мы едем в первый рабочий маршрут. Едем все вместе, поэтому все четыре отряда будут решать одну задачу: тщательное документирование и идентификация обнажения по ручью Чистый.

Конкретные задания каждый из отрядов получит на месте. А сейчас - грузиться в машину и в путь!

Все тотчас сорвались с места и начали дружно карабкаться в кузов, где уже важно восседал с туго набитым рюкзаком завхоз Ярин.

Сергей открыл дверцу кабины:

- Пожалуйста, Софья Васильевна.

Та лишь упрямо повела плечом:

- С какой стати? Не я веду маршрут.

- Но вы женщина, Софья Васильевна.

- Здесь нет ни мужчин, ни женщин, здесь все - геологи, - отрезала Софья. - А рядом с шофером - место начальника партии. - Она ловко ухватила за борт кузова машины и, подхваченная десятком рук, вихрем взлетела над землей.

Сергею ничего не оставалось, как пожать плечами и забраться в кабину к шоферу.

Через минуту машина выехала со двора и покатила по плотно укатанной проселочной дороге. Сергей пристроил на коленях планшет и до предела опустил боковое стекло кабины. В лицо ударил бодрящий утренний холодок.

Дорога вилась вдоль самой Ермиши, так что слева от нее расстилались обширные луга с блестящей от росы травой, а справа, по другую сторону реки, высилась небольшая гряда холмов, сплошь поросших молодым березняком и орешником.

Сергей привычно переносил на планшет все встречающиеся на пути геоморфологические детали рельефа, невольно прислушиваясь к доносившемуся из кузова гомону молодых, задорных голосов и непрерывным взрывам веселого смеха.

Но вот и знакомый поворот у небольшого хуторка, а чуть дальше - грубо сколоченный бревенчатый мостик, ведущий в узкую расселину, по дну которой струится хрустально-чистый ручеек. Он так и называется - Чистый. Ни малейших следов муты не заметно в его прозрачной, как слеза, воде. А между тем именно он пропилил такую глубокую брешь в толще коренных пород, слагающих высокий берег реки, и это ему было обязано появлением обширного обнажения, состав которого должен был пролить свет на геологическую историю здешних мест.

- Всё, Федя, приехали! - кивнул Сергей шоферу.

Тот загнал машину в тень большого, развесистого дуба и заглушил мотор. Все высыпали из кузова и окружили Сергея.

- Так вот, друзья, - сказал он, - раскройте ваши планшеты и скорректируйте их на местности. Обнажение, которое нам предстоит изучить, находится в долине этого ручья, метрах в трехстах выше по течению. Видимая мощность коренных пород в нем - шестнадцать метров. Это большая удача. Но каков их геологический возраст - неизвестно. Предварительно я оценил его как готерив-барремский. Попробуем определить более точно, нащупать границу этих ярусов, поискать ископаемую фауну, посмотрим, как меняется состав пород вверх по ручью, - я там еще не был. Идем пока все вместе.

- Сергей Петрович, а можно мне остаться здесь? - соскочил с машины Ярин. - Вы ведь, наверное, долго будете там копаться. Так мы бы с Федей костерок сообразили, картошечки сварили, чаек и вообще...

- Ладно, оставайтесь, на обнажении вам делать нечего. Остальные - за мной!

Сергей перебрался через реку и быстро зашагал вверх по ручью. Но его сразу остановила Софья:

- Сергей Петрович, а вот на это вы не обратили внимания? - она нагнулась над ручьем и подняла со дна несколько темных округлых камешков.

- А-а, это? Должно быть, кремневая галька.

- Нет, это не кремнь. И вообще не галька. Такому ручейку никогда не окатить кремнь до подобного совершенства. Это фосфоритовые желваки.

- Фосфоритовые желваки?! Но откуда?

- А вот это надо посмотреть. Насколько мне известно, на границе готерива и баррема иногда наблюдаются небольшие прослои и линзочки глауконитового алевролита с фосфоритовыми желваками. И если бы мы смогли найти такие прослои...

- Но в этом обнажении я ничего подобного не заметил.

- Не будем торопиться с выводами. Посмотрим еще. Пройдем вверх по ручью. Попробуем углубиться в осыпь.

Они подошли к обнажению.

- Да, разрез шикарный! - не могла скрыть чувства восторга Софья. - Но вы правы - сплошная толща глин и мергелей. И все-таки не с неба же свалились фосфоритовые желваки. И потом... Смотрите, смотрите! - она склонилась над ручьем. - Это же зерна

глауконита поблескивают там, на дне! Значит... Давайте сделаем так: Петя со своим коллектором еще раз просмотрят весь разрез. Ну и отберут образцы. Почаще! Минимум через каждые полметра. А Степан пройдет вверх по оврагу, посмотрит, нет ли там других обнажений. Мы же с вами займемся дном ручья. Установим, где именно начинают появляться в нем фосфоритовые желваки и глауконит.

Софья с Сергеем двинулись вслед за Степаном, вглядываясь в бегущий водоток. Но не прошли и нескольких сот метров, как издали послышался шум бурлящей воды и радостный возглас младшего геолога:

- Есть! Сергей Петрович, Софья Васильевна, есть! Прямо в русле ручья - зеленый алевролит с фосфоритами.

— Да что ты говоришь! — Софья чуть не бегом бросилась на голос Степана.

Сергей поспешил за ней, и уже через минуту взору их предстало нечто такое, о чем можно было только мечтать: в небольшой рывтине, образовавшейся в русле ручья, темные глины прорезались зеленовато-серым слоечком плотной тонкозернистой породы с черными округлыми включениями, которые и были, должно быть, фосфоритовыми желваками. За счет этого слоечка, значительно более прочного, чем вмещающие его глины, и образовался заметный уступ в тальвеге оврага, давший начало рывтине, где водный поток бурлил как самый настоящий водопад.

- Вот она, граница ярусов! - радостно воскликнула Софья, подставив ладошку под тугую струю падающей воды. - Я этот алевролит еще в прошлом году на соседней площади обнаружила.

- Значит, больше никаких сомнений: все, что под ним, - готерив, все, что над ним, - баррем?

— А вот это предстоит еще доказать, подтвердить ископаемой фауной.

- Что же доказывать? И так все ясно.

- Мне ясно. Вам тоже, может быть, ясно. Но те, кто будут принимать наш отчет, потребуют фактических данных. Им подай основные формы! Образцы ископаемой фауны! Но будет и фауна. Лиха беда начало! А теперь так... Степа, возьмите коллектора и с помощью эклиметра перенесите эту точку на наше обнажение.

- Все ясно, Софья Васильевна. - Степан встал на уровень алевролитового уступа и махнул рукой своему помощнику.

Через минуту они скрылись за поворотом ручья. Сергей с Софьей остались одни.

Он легонько коснулся ее плеча:

- Вы - гений, Соня.

- Я геолог, Сережа. Просто геолог.

- Но для меня вы...

- И для вас я только старший геолог партии. Тем более что вы меня еще совершенно не знаете. Пойдемте, нас ждут. - Она ловко отколола образец алевролита и легким, упругим шагом заспешила вниз по склону, так что Сергей еле успевал за ней, перепрыгивая через бесчисленные рывтины и груды осыпавшейся земли, загромождавшие тальвег оврага.

Между тем ребята уже подошли инструментальным ходом к обнажению, и Степан уверенно вонзил свой молоток в свежеработанную расчистку:

- Вот здесь, Софья Васильевна.

Она внимательно осмотрела отмеченное место разреза:

- Да- а, все-таки одни глины... Видно, эти прослои алевролита действительно имеют лишь линзовидный характер. Попробуем углубиться внутрь пласта. Давай, Петя!

Тот принялся усердно работать молотком. Но из-под него все так же летели лишь осколки плотной глины.

- Нет ничего, Софья Васильевна.

- А чуть в сторону, левее или правее? Степа, подключайся и ты. Ребята, и вы присоединяйтесь! - махнула она рукой коллекторам.

Все начали дружно крушить неподатливую глину. Но все было тщетно.

- Ладно, ребята. Придется признать, что эти прослои встречаются не так уж часто, - вздохнула Софья. - Пора возвращаться к машине.

- Нет, я так легко не сдамся! - упрямо возразил Сергей. - Дайте-ка мне лопату.

Он взял лопату и, отойдя метров на двадцать в сторону, принялся с силой разгребать обрушившиеся сверху комья земли.

- Оставьте, Сергей Петрович, всю осыпь не перекопаете. Со временем придем сюда рабочих, и тогда, может быть...

- Сейчас, сейчас, вот уже глины пошли. Только очень твердые почему-то... О, черт! Так это же алевролит. Тот самый, с фосфоритами. Только другого цвета.

К нему подскочила Софья:

- Да, тот же прослой алевролита. И на том же уровне, что пометил Степан. Я чувствовала, что осыпь хранит под собой немало интересного. И вот, видите... Теперь можно не сомневаться - граница проходит здесь. Ну все, друзья, пошли к машине. Ярин обещал горячей картошкой угостить.

- А как же на других обнажениях, где не будет этого прослоя? - подал голос Степан.

- Там будем идентифицировать породы по комплексу терригенных минералов. Недаром я попросила Петю отобрать тут как можно больше образцов. Сегодня же отправим их на иммерсионный анализ, и станет ясно, что представляет собой такой комплекс в подалевроитовых готеривских и надалевроитовых барремских слоях.

- Значит, везде будем танцевать от этого обнажения?

- Да, пока оно будет опорным разрезом. Кстати, Иван Афанасьевич, - обратилась она к топографу, - завтра же определите абсолютную отметку подошвы алевролитового прослоя. Лучше там, на перепаде ручья. Степа покажет вам.

Полчаса спустя они перебирались по шаткому бревенчатому мостику обратно на луговой берег Ермиши, вдыхая божественный запах свежесваренной картошки, заправленной тушенкой.

Ярин тут же принялся раскладывать ее по металлическим мискам. Но как только к костру подошел Сергей, он отозвал его в сторону и затащил в кабину машины.

- Что еще случилось? - насторожился Сергей.

- Ничего не случилось. А давайте вот, с устатку. - Он вынул откуда-то из-за сиденья бутылку водки и два стакана.

Кровь бросилась в лицо Сергея:

- Да как вы можете такое?! Я понял бы еще, если бы вы предложили это всем там, у костра. А так вот, тайком от всех! Уберите сейчас же это с глаз моих! И чтобы никогда больше не было ничего подобного. Слышите - никогда! - Сергей хлопнул дверцей кабины и... чуть не сбил с ног оказавшуюся рядом Софью.

- Вы?! Вы слышали?

- Да, я догадывалась, зачем он вас позвал. И если бы вы согласились...

- Что было бы тогда?

- Ничего не было бы. Зато теперь я убедилась, что не ошиблась в вас. - Она улыбнулась ему теплой, ласковой улыбкой, и он снова скорее почувствовал, чем увидел, что так могла улыбаться лишь та, что приснилась ему в недавних снах.

Глава пятая

К концу следующей недели съемочные работы в партии вошли в привычный деловой ритм. Четыре отряда, руководимые Петром, Степаном, Софьей и самим Сергеем, все увереннее продвигались вниз по течению Ермиши, ежедневно покрывая восемь-десять квадратных километров карты. Из управленческой лаборатории пришли и результаты иммерсионных анализов, свидетельствующие о том, что комплексы терригенных компонентов готерива и баррема существенно отличаются друг от друга, что позволило надежно использовать их для идентификации глинистых толщ. К тому же опорный

горизонт с прослоями фосфоритсодержащих алевролитов встречался уже не в одном обнажении правого берега реки.

Словом, все складывалось как нельзя лучше, если бы не участвовавшие стычки с Яриным. И дело было не только в том, что он все чаще появлялся на работе под хмельком и даже пытался спаивать некоторых работников.

Однажды утром, когда Сергей и Софья, сидя в камералке, намечали маршруты отрядов на предстоящий день, он бесцеремонно подсел к их столу и сказал не терпящим возражений голосом:

- Буровикам надо выдать денег.

- каких денег? - отозвался Сергей, не поднимая головы от карты. - Разве вы не знаете, что, согласно трудовому контракту, зарплата всем работникам партии выдается лишь в конце месяца?

- Мало ли что там записано, в этом контракте. А ребятам деньги нужны. И я обещал.

- Позвольте, а почему буровики обратились к вам, а не ко мне? И кто дал вам право что-то обещать?

- Почему обратились ко мне?... Потому что я ближе к рабочему человеку, чем вы все с вашими дипломами и контрактами. А обещал и буду обещать, поскольку я тоже не последняя спица в колеснице, - все хозяйство на мне.

- Ну вот что, Вадим Федорович, - как можно мягче сказал Сергей, - может, вы и ближе к рабочему человеку, чем мы с Софьей Васильевной, и хозяйство у вас действительно немалое. Но все финансовые вопросы позвольте решать мне самому. Что же касается ваших намерений и впредь кому-то что-то обещать, то потрудитесь обещать лишь то, что в вашей компетенции. А сейчас идите и работайте. С буровиками я сам поговорю.

- Хор-рошо! Я уйду. Уйду... Но имейте в виду, что, пока ребята не получают денег, буровые станки будут стоять на базе.

- Вот как! Вы еще и забастовкой грозите. От имени этих ваших «рабочих людей». Не слишком ли много вы на себя берете? И отдаете ли отчет своим словам?

- Я-то отдаю. Не первый год ишачу в этих проклятых партиях. А вот вы... - ондохнул на Сергея винным перегаром. - Вот вы...

- Ну ладно, ладно, идите, не мешайте работать. А вечером поговорим, - вновь попытался Сергей урезонить перепившего завхоза. Но тот еще ниже склонился к столу:

- А я вот сейчас хочу поговорить. И вообще... - пьяное лицо Ярина почти вплотную приблизилось к лицу Сергея, и он не знал уже, что делать в такой кошмарной ситуации, как вдруг Софья, до сих пор не произнесшая ни слова, вихрем взвилась над столом и, смерив Ярина взглядом, полным презрения и ненависти, крикнула во всю силу своих легких:

- Вон! Вон отсюда, мерзкая харя! И чтоб духу твоего больше не было в камералке. - Лицо ее исказилось от гнева, глаза метали молнии. И пьяный верзила, вобрав голову в плечи, попятился к двери.

- Простите, Сергей Петрович, не сдержалась. Видеть не могу это животное, - проговорила Софья, когда дверь за Яриным закрылась. - Я понимаю, что слишком вспыхнула, но...

- А иначе мы от него не отделались бы. Я могу лишь поблагодарить вас. Но вот с буровиками придется разбираться. Пойду поговорю с ними.

- Не-ет, лучше пойду я. У меня это проще получится. - Софья сейчас же выскользнула в дверь, а Сергей снова уже в который раз возблагодарил судьбу за то, что ему так повезло со старшим геологом. Признаться, он совершенно не представлял, о чем и как говорить с буровиками: деньги управление им еще не перечислило, а буровые скважины нужны были позарез.

Сергей не отходил от окна, мысленно переживая за свою помощницу: как она уладит это непростое дело?

Так прошло несколько томительных минут. Он был готов уже бежать вслед за Софьей, как вдруг увидел, что стоявшие в дальнем углу двора буровые станки взревели моторами и медленно, один за другим, потянулись к воротам базы.

Сергей с облегчением вздохнул. Словно гора свалилась у него с плеч. Вскоре на месте стоянки буровых осталась лишь маленькая воздушно- легкая фигурка его старшего геолога.

Горячая волна благодарной нежности охватила Сергея.

- Бесценная ты моя! - прошептал он, не спуская глаз с возвращающейся Софьи. - Чем я смогу отплатить провидению за то, что оно дало мне возможность встретиться с тобой в самом начале моей первой, так непросто сложившейся работы? Что заставило тебя поехать именно в ермишскую геосъемочную партию? А может, это ты и приснилась мне задолго до того, как я вообще узнал о твоём существовании? Нет, это, конечно, верх фантазии. И все-таки... - Он готов был сейчас же признаться в любви этой чудесной девушке, сразу ставшей для него самым дорогим человеком на земле.

Однако, возвратившись в камералку, Софья, как всегда, даже не взглянула на него, а, лишь бросив на ходу что-то вроде «все в порядке, станки выехали на точки», взяла в руки карандаш и склонилась над картой.

Сергею ничего не оставалось, как последовать ее примеру, - через полчаса съемочные отряды должны были выйти на маршруты.

С Яриным в этот день они больше не встречались. Никак не проявил он себя и в последующие дни. И все могло бы со временем войти в более или менее спокойную деловую колею, если бы в начале следующей недели не произошло событие, донельзя возмутившее всех работников партии.

А все началось с дождя, который лил с утра до вечера, отчего все, кто был на маршрутах, вернулись на базу промокшими до нитки. И тут оказалось, что кое- кому даже не во что переодеться.

-как же так? - удивилась Софья. - Разве Ярин не выдал до сих пор новые энцефалитные костюмы, плащи, сапоги и все, что положено полевикам?

- Я в первый раз слышу об этом, - ответил Сергей, - даже не знал, что нам положена какая-то спецодежда.

- Ну как же! - всплеснула руками Софья. - И эти костюмы, и плащи и все прочее я сама отбирала на центральном складе. И полагала, что Ярин давно доложил вам об этом.

- Пока не докладывал. А ну-ка, Степан, пригласите сюда Вадима Федоровича.

- А- а, вон вы о чем! - махнул завхоз рукой, выслушав Сергея. - Так всего этого у меня нет. -как нет?!

- Сам не знаю, как это получилось. Может, на складе недодали, может, при отправке куда-то запропастилось. Это бывает. Да вы не расстраивайтесь, Сергей Петрович, я все давно списал.

-как списали? Почему списали?

- В ваших же интересах списал. Ведь, не спиши я это барахло, вам же пришлось бы и отвечать за него. Чего доброго, в конце сезона и из зарплаты могли бы вычестить его стоимость. А раз списано, то и делу конец!

Сергей не нашелся даже что ответить наглому прохвосту. А Софья так и вспыхнула от охватившего ее негодования:

- Ну вот что, товарищ завхоз, эту свою байку вы расскажете кому-нибудь другому. А сейчас проводите-ка нас в свою кладовку.

- Это еще зачем?

- Посмотрим, как вы устроились на новом месте, как хранятся у вас хозяйственные ценности.

- Это что, обыск?! - взвился Ярин. - Не имеете права!

- Сергей Петрович, объясните этому правоведа права и обязанности начальника партии.

- Да, Вадим Федорович, я просто обязан поинтересоваться, в каких условиях содержится имущество партии.

-тогда только вы! - сдался Ярин. - Вы один!

- Ну уж позвольте мне самому решать, с кем я пойду. Степан, Петя, Софья Васильевна, пойдете со мной.

- Ладно, пошли, - махнул рукой Ярин. - Но учтите - никаких перестановок, никакого перекалывания вещей я не допущу. Не для этого наводил там порядок.

Порядок в кладовке Ярина был действительно образцовым: все разложено по полочкам, все расставлено по местам. Только в дальнем углу высилась большая груда сложенных друг на друга ящиков с керном. К ней и подошла Софья:

- Что же вы так небрежно керн храните?

- А я его не храню! - с вызовом ответил Ярин. - Керн не моя, а ваша забота. Давно пора соорудить специальное кернохранилище. Пока же я просто пошел навстречу буровикам, разрешил на время забросить сюда их лотки. Представляете, что было бы сейчас с ними под дождем.

- Да, об этом мы не подумали. Кернохранилище, конечно, необходимо. А пока... Ребята, уложите-ка все это поаккуратнее.

Степан и Петр дружно взялись за верхние лотки. Но к ним сейчас же подскочил Ярин:

- Не смей! Я здесь хозяин. И мне доверили буровики эти ящики.

- Ну, это, положим, не просто ящики, а ценнейший геологический материал, и нам, геологам, лучше знать, как он должен храниться. Давайте, давайте, ребята, переложите все это вон к той, свободной, стене, да так, чтобы были видны и номера скважин, и значения интервалов и чтоб каждый образец был целехонек.

- А, чтоб вас... - Ярин грязно выругался и тяжело плюхнулся на скамью, не спуская глаз с Софьи, которая с живейшим интересом просматривала содержание каждого лотка.

- Та- ак... Это все та же глинистая толща, - провожала она глазами коробки с керном. - Это -то же самое. А вот это... Это уже что-то совсем другое! Похоже на валанжинский конгломерат. Завтра надо будет посмотреть получше... А это что?! - вдруг вскрикнула она.

- Ну-ка, ну-ка! Сергей Петрович, взгляните-ка сюда!

Сергей глянул через плечо Софьи и едва сдержал возглас изумления: на полу кладовки, под последним рядом ящиков, лежали плотно упакованные пачки плащей, энцефалитных костюмов, полевых сумок, совсем новеньких рюкзаков, стопки постельного белья, связки сапог и ботинок и даже коробки с походными аптечками.

- Так что же вы... - обратился он к Ярину.

Но тот уже сам подскочил к Сергею, выдавил на лице самую что ни на есть благодатную улыбку и радостно всплеснул руками:

- А, ч- черт! Вот, оказывается, где все это барахло! А я думал, оно в Рязани осталось. Совсем забыл, что при разгрузке его сюда сбросили. А эти проклятые буровики, будь они неладны, все завалили своими ящиками. Спасибо, ребята, что помогли раскопать пропажу. Так что же, Сергей Петрович, может, теперь сразу все это и раздать людям? Вот радость-то какая! - на лице его было написано одно сплошное умиление. И только в самой глубине глаз притаилась, как хищный зверь, готовый к прыжку, жгучая ненависть, ненависть пойманного вора.

Глава шестая

Это было тем более приятно, что явилось полной неожиданностью. Письмо от Гришки Инопланетянина!

В сутолоке последних дней Сергей забыл и думать о нем. И уж тем более о том, что они обещали писать друг другу. А Гриша не забыл. Вот она, настоящая мужская дружба!

Как-то он там устроился, в своем Уренгое? Сергей вскрыл конверт и углубился в чтение.

Письмо было небольшим. Вначале Гриша коротко описывал, как его встретили в нефтепоисковой экспедиции, куда он был направлен старшим геологом разведочного

бурения, пожаловался на бытовую неустроенность. А под конец написал то, что сразу заставило Сергея вспомнить все свои сны и все, что было с ними связано.

«...А теперь, - писал Гришка, - самое главное. По пути к месту работы проезжал я через Екатеринбург, там пересадка была и целых шесть часов между поездами. Ну, закомпостировал я билет и пошел побродить по городу. Вышел на какую-то площадь, смотрю - церковь. Церковь как церковь. Я сначала и внимания на нее не обратил. Потомглянул попристальнее, и словно озноб меня прошиб - та это церковь, какую я во сне видел! Те же окна, двери, купола, паперть. А ведь в Екатеринбурге я никогда не был. Ну да мало ли бывает совпадений. И все-таки решил зайти внутрь. Дело в том, что в церкви, где я служил во сне, была одна примечательная вещь: в самом дальнем углу бокового притвора, как раз под единственным его окном, небольшая часть стены слегка порушилась, и на сколе камня образовалось нечто похожее на девичий профиль. Я еще тогда, во сне, не мог не подивиться на такую игру случая. Стоит ли удивляться, что и теперь, зайдя в екатеринбургскую церковь, я первым делом направился в этот притвор. Нет, я вовсе не ожидал снова увидеть удивительный феномен. Скорее я пошел туда, чтобы убедиться, что там ничего нет. И что же ты думаешь? На том самом месте, под тем самым окном, в такой точно выколотке в стене отчетливо вырисовывался изящный профиль женской головки, словно специально выбитый на камне. Я остолбенел. Повторяю, в Екатеринбурге я никогда не был и ни о чем подобном мне никто никогда не говорил. Так что же это? Следствие того, что называют реинкарнацией? Воспоминание о моей прошлой жизни? Никакого иного объяснения я просто не нахожу, хотя, честное слово, до сих пор абсолютно не верил ни в какие прошлые жизни, ни в какие переселения душ, и уж если на то пошло, только разговор с тобой (помнишь, на выпускном вечере?) и заронил в меня искру сомнения. И вот эта история с екатеринбургской церковью... Неужели все это действительно было когда-то в моей прошлой судьбе? Неужели человек в самом деле проживает несколько жизней? Ты сам-то как думаешь? И вообще - слышал ли ты об этой реинкарнации, в соответствии с которой душа человека после смерти не погибает, а рано или поздно вселяется в тело другого, только что рожденного, человека, который, естественно, и не знает об этом? И лишь кое-какие воспоминания об этой прежней жизни проявляются у некоторых людей хотя бы в виде снов или каких-то иных ощущений? И может быть, так было и с тобой в твоих снах о неведомой тебе Ермаши. Кстати, жду не дожусь узнать, не нашел ли ты уже каких-то подтверждений своим предчувствиям на столь желанной тебе рязанской земле? Что подкинула тебе твоя Ермашь?

Р.5. Ну а с мечтой моей мне придется, видимо, расстаться: разве можно разыскать в таком огромном городе, как Екатеринбург, какую-то дивчину из моих снов? Хотя, признаюсь тебе, в той церкви я проторчал все время, что оставалось до отхода поезда, все надеялся увидеть в толпе молящихся свою фею. Да где там...».

Сергей дважды перечитал заключительную часть письма и потер ладонью лоб. О реинкарнации он, конечно, слышал. Но то, что сны его - всего лишь воспоминания о какой-то прошлой его жизни, даже думать не думал. Не хотел думать! Все это было бы слишком тривиально. И уж во всяком случае не вызвало бы навязчивого стремления во что бы то ни стало поехать в Рязанскую область, побывать на загадочной Ермаши.

Нет, он ожидал встретить здесь нечто значительно большее, чем подтверждение какой-то идеи реинкарнации. Впрочем, и это отошло на второй план. Теперь для него значительно важнее был вопрос, что все-таки связывает Софью с его таинственной незнакомкой из сновидений? А в том, что какая-то связь существует, он убеждался все больше и больше. Хотя бы потому, что девушка явно что-то искала здесь, в чем-то старалась разобраться, помимо чисто геологической обстановки. Вот хоть вчера: почти целый вечер провела в районном архиве, отыскивая сведения о помещиках, чьи усадьбы располагались по реке Ермашь.

Он и сам был бы не прочь познакомиться с этими сведениями, ведь девушка, с которой он встретился во сне у

часовни над Святым ключом, была, похоже, лочгщ.ю какого-то местного вельможи. Но ей-то, Софье, ллмгм >н>У К тому же она сама сказала, что во что бы то ни стало хотели поехать именно в ермишскую партию, обещала даже рассказать ему, почему. Но пока это так и осталось тайной за семью печатями. Как подтолкнуть ее на откровенность? С чего начать? Не с рассказа же о своих удивительных сновидениях!

Однако все свершилось само собой. В этот вечер они с Софьей, как обычно, намечали в камералке маршруты и уже почти кончили, когда в дверь осторожно постучались и в комнату вошла хозяйка арендуемого подворья:

- Здравствуйте, люди добрые. Простите, что я в столь поздний час...

- Ничего, Евдокия Алексеевна, проходите, садитесь, пожалуйста, - отозвался Сергей. - Чем можем быть полезны?

- Не знаю уж, как и сказать... -замялась хозяйка. -зашла сейчас ко мне Настасья, жена Пашки Хромого, что на соседней улице живет, и говорит: завхоз-то ваш, ну, Ярин этот... В общем, напились они с Пашкой опять вдрызг, и этот Ярин возьми да и ляпни: удавлю, говорит, я эту курву, стало быть вас, Софья Васильевна. Удавлю, говорит, или красного петуха подпущу к ее боковушке. Вот ведь страсти какие! А что если в самом деле погубит он вас или, чего доброго, поджог устроит. Как тогда я?.. Вот думала я, думала и хочу просить вас съехать отсюда, снять другое подворье, от греха подальше.

- Ну что вы, Евдокия Алексеевна, мало ли что скажет пьяный человек! - попытался успокоить ее Сергей.

- Так ведь что у трезвого в голове, то у пьяного на языке, - не сдавалась хозяйка. - Боюсь я его. Ой как боюсь! Мужа-то у меня нет, а без мужика, сами знаете...

- Но у нас-то мужчин больше чем достаточно. Не оставим мы в беде ни Софью Васильевну, ни вас. А чтобы не произошло ничего не предвиденного, организуем ночные дежурства, будем по ночам по очереди сидеть вот здесь, в камералке, и следить, чтобы никто ничего не натворил.

- Ну если так... - немного успокоилась хозяйка. - А все-таки вы бы построже с ним, с Яриным-то. Не ровен час... - Она поправила на голове платок и пошла к двери. Но ее остановила Софья:

- Евдокия Алексеевна, давно собираюсь вас спросить: не слышали ли вы, что где-то здесь у вас еще в позапрошлом веке жили богатые помещики Мишульские?

-как не слышать. О них, почитай, по всей Ермиши до сих пор вспоминают. Ведь в именье-то у них, говорят, чего только не было. И ели из золотой посуды, и ездили в золоченой карете. А уж само-то именье - что тебе царский дворец!

- Где же оно было, это именье?

- Чего не знаю, того не знаю. Где-то далеко отсюда, чуть ли не в самых низовьях Ермиши. Я там не была, тех мест не видела. Да там, говорят, и видеть-то теперь нечего. Даже камней от фундаментов не осталось - всё мужики из соседних мордовских сел повывезли.

- Но рядом с такими именьями были обычно какие-то большие деревни.

- А как же. И там так было. Да не деревня, а целое село. И называлось оно Благовидово.

-как вы сказали - Благовидово? Но у меня на карте нет ничего подобного, - пожалала плечами Софья.

- Так когда ее рисовали, эту карту-то вашу? Совсем недавно, поди. А Благовидово-то лет сто назад сгорело. Дотла сгорело. Люди и отстраивать его не стали. Разбрелись кто куда. Кто в Сибирь подался, на свободные земли, кто тут, у родственников, пристроился. Осталось одно название. И то если бы не господ... Ну, я пойду, пожалуй, не серчайте, что помешала вам, - спохватилась хозяйка.

- До свидания, Евдокия Алексеевна. И не беспокойтесь, пожалуйста. Все будет в порядке.

- Дай-то Бог... - Она живо перекрестилась и выскользнула в дверь.

А Софья снова склонилась над картой:

- Благовидово... Да, было такое село, сама вчера видела в одном из документов прошлого. Но где оно было? Где располагалась усадьба этих господ Мишульских? - она потеряла лоб ладошкой, явно стараясь разобраться в какой-то навязчивой неопределенности.

Сергей тронул ее за плечо:

- Соня, помните, вы обещали рассказать мне, почему решили ехать непременно в ермишскую партию. Это связано с тем, что когда-то здесь жили господа Мишульские?

- Да, с ними, точнее, с усадьбой этих господ. Я давно уже дала себе слово посетить эту усадьбу, чтобы отдать дань памяти одному... Не знаю даже, как сказать... Словом, речь идет об одном маленьком мальчике, который был похоронен там. И хотя это было давным-давно... Но вы слышали, что сказала Евдокия: от усадьбы не осталось и следа.

- Да, вот и на карте нет ничего подобного. А ведь я тоже что-то слышал об этих господах Мишульских. И тоже что-то в высшей степени экстраординарное.

-тоже слышали? - живо обернулась к нему Софья. - Где? Когда? Что именно слышали?

- Сейчас уж и не вспомню. Но что-то уж больно знакомая фамилия - Мишульские.

- Так, может, кто-то из ваших родных или знакомых упоминал ее? Ваш отец, мать, бабушка?

- Отца с матерью я вообще не помню, я уже говорил вам. А вот бабушка, может, и упоминала. Она любила поговорить о старине.

- А эта ваша бабушка не бывала в здешних краях?

- Нет, она и слышать не слышала ни о Ермиши, ни о чем таком вообще.

- А ее родители?

- О своих родителях она почему-то не любила вспоминать, а вот деда своего - моего, стало быть, прапрадеда чтит как святого. Помнится, она рассказывала о нем часами, могла без усталости восторгаться его подвигами.

- Кем же он был, ваш прапрадед?

- Он был военным.

- В больших чинах?

-какое там! Он был простым солдатом. Но не в каком-то там задрипанном тыловом гарнизоне, а в войсках самого Багратиона и отличился не где-нибудь, а в знаменитом Бородинском сражении, да так отличился, что был удостоен Георгиевского креста. А получить Георгиевский крест простому солдату, сами понимаете... Словом, рассказам бабушки о нем не было конца. И так они запали мне в душу, что - верите? - я даже во сне стал видеть себя солдатом Багратиона. Честное слово! Будто и марширую под бой барабанов, и ядра к пушкам подтаскиваю, и в штыковую атаку хожу. Даже награждение меня Крестом приснилось.

- Вас?!

- Да, будто стою я перед строем солдат и сам Багратион прикалывает мне к мундиру Георгия. И так явственно все это вижу, словно на самом деле было. Но это еще не все! В одном из снов я видел даже свою смерть...

- Смерть?!

- Да, это произошло, похоже, когда мы уже гнали французов из России. Снова был бой. Бой жестокий. И я будто ясно увидел направленный на меня ствол ружья. Помнится, я еще инстинктивно зажал лицо руками, ничего другого про-

сто не оставалось делать. И в тот же миг - яркая вспышка, тупой удар в грудь, острый приступ боли. И сразу вслед за тем - полное безразличие и покой, точнее, какое-то блаженное умиротворение и ощущение стремительного падения то ли в бездонный колодезь, то ли в бесконечный, круто наклоненный тоннель. Позже я много читал об ощущениях, какие описывали люди, пережившие клиническую смерть. Похоже, я пережил нечто подобное. Но ведь я был абсолютно здоров. Неужели, наслушавшись рассказов бабушки, я так живо представил себе прапрадедушкину смерть?

- Но ведь ваш прапрадед умер не в бою.

- Кто знает...

-как кто знает? - рассмеялась Софья. - Иначе не было бы ни вашего прадеда, ни деда, ни вас самого. Нет, ваш прапрадед здесь ни при чем, вы пережили смерть другого человека, того, кого видели во сне в Бородинском сражении.

- Но это и был мой прапрадед.

- С чего вы взяли?

- Так сама бабушка...

- Бабушка-то рассказывала о прапрадеде. Но это только оживило вашу память. А видели вы во сне, похоже, самого себя. Таким, каким были в вашей прошлой, давно прожитой, жизни.

- Так вы тоже верите в эти прошлые жизни, эту так называемую реинкарнацию?

-как вам сказать... Все это можно только предполагать. Здесь еще слишком много неясного. Хотя мне самой иногда кажется...

Софья надолго замолчала.

- Что кажется? - насторожился Сергей.

- Да нет, все это лишь на уровне подсознания. А кстати, вы не задавались там, во сне, вопросом, откуда был родом снившийся вам солдат?

- Нет, я даже не задумывался об этом, просто ни к чему было. Хотя... Хотя еще в том первом Бородинском сражении мне вспомнилась однажды небольшая часовенка над ключом...

- Часовня над ключом?! - вскричала Софья.

- Да. А что это вас так поразило?

- Нет, ничего... Просто вы так подробно описываете свои сны, что я будто сама начинаю видеть все вам приснившееся: и ваше награждение Георгиевским крестом, и картину вашей смерти, и вот теперь эту часовенку... Но продолжайте, прошу вас.

- Так вот, вижу, будто исчезли вдруг все блиндажи, редуты, пушки и вместо них - крохотная часовня над ключом, и все вокруг нее такое близкое, родное. Возможно, это и было воспоминанием о родине...

- Очень может быть. Только это-то уж определенно не со слов вашей бабушки.

- Кто знает... - начал было Сергей, и вдруг словно молния пронзила его. Все батальные сцены, в которых он якобы участвовал, вся его солдатская жизнь могли присниться и под влиянием бабушки. Но часовня-то над Святым ключом -как о ней могла знать бабушка! Это же та часовня, у которой он встретил в недавнем сне барышню Мишульскую.

Да, теперь Сергей вспомнил и то, где слышал эту фамилию: то была фамилия той девушки- дворянки, неперменной участницы всех его снов. И стояла та часовня не где-нибудь, а на берегу Ермиши, и скорей всего здесь и была родина снившегося ему солдата. Более того, тот паренек -подмастерье кузнеца и солдат Багратиона - одно и то же лицо, и это на царскую службу провожал старый кузнец своего названного сына, закапывая ночью у часовни какую-то реликвию и упоминая о какой-то несчастной девушке, возможно, той же барышне Мишульской, заплаканное лицо которой до сих пор стояло перед глазами Сергея. Тогда действительно рассказы бабушки тут совсем ни при чем, а все это - воспоминания о его собственной прежней жизни.

Но опять-таки при чем здесь Софья? Как она-то может быть связана со всеми его видениями, если они и были навеяны какой-то реинкарнацией? Почему ей так важно разыскать бывшую усадьбу господ Мишульских и отдать дань памяти какому-то мальчику, судьба которого ей явно не безразлична?;

- А почему вы так заинтересовались всем этим? - прямо спросил он.

- Чем «этим»?

- Ну, моими снами и... вообще.

- Я скажу вам, Сережа, только... Вы ведь не все еще рассказали мне. Так?

- Да, - признался Сергей, - потому что...

- Потому что не во всем еще сами разобрались?

- Да, - повторил он. - Вернее, совсем ни в чем не разобрался.

- Вот и я... Мне тоже надо о многом рассказать вам. Но я также до сих пор не могу собраться с мыслями. Не будем спешить. Предоставим самому времени расставить все по своим местам. Кстати, вы в Бога верите, Сережа? — Я хотел бы верить, только...
- Я понимаю. Даже в этом мы с вами схожи. Впрочем, один хороший и умный человек сказал: в Бога нельзя ни верить, ни не верить, Бога надо чувствовать.
- И вы чувствуете его?
- В последнее время, кажется... начинаю чувствовать.

Глава седьмая

Прошло еще несколько дней, до предела заполненных работой. Экспедиция все дальше продвигалась на юг, и вместе с тем все рельефнее вырисовывалась общая картина геологического строения района. Но не хватало главного - не было найдено остатков ископаемой фауны, а без этого невозможно было с полной определенностью судить ни о возрасте слагающих его толщ, ни о характере осадконакопления того времени.

Напрасно Софья часами просиживала на наиболее перспективных обнажениях, перебирая чуть ли не каждый сантиметр алевролитов и глин, - они были немые, как листы книги со стертым текстом. Не лучше обстояли дела и у Сергея с Петром и Степаном. Каждый раз, собираясь вечером в камералке, они лишь безнадежно разводили руками, все больше теряя надежду на успех.

Так было и сегодня вечером. Заполнив карту фактического материала и просмотрев полевые дневники отрядов, Сергей, отмахавший за день не один десяток километров, собрался уже пойти спать, как вдруг дверь раскрылась и в комнату вошел пожилой мужчина с рюкзаком, в котором угадывалось что-то очень тяжелое.

- Здравствуйте, молодой человек, - прямо от двери начал он, опуская рюкзак на пол. - Здесь, что ли, главный геологический начальник?

- Да, это я, - ответил Сергей. - А что вас привело ко мне?

- Да вот набрал я диковинных камней там, у нас на речке, а что они значат, в толк не возьму. Неужели, думаю, природа такое сотворила? - он развязал рюкзак и начал выкладывать на стол свою находку. А у Сергея аж дух захватило от волнения и радости. На стол ложились, поблескивая сколами зеленоватого перламутра, окаменелые раковины, напоми-

нающие туго закрученные в спираль ребристые рукава, в которых он без труда узнал знакомые формы нижнемеловых аммонитов.

Это было как сон, как сказка, как неожиданный дар судьбы.

- Где? Где вы взяли такое сокровище? - не переставал повторять он, любовно перебирая драгоценные реликвии.

- Да у нас на третьем перекате их полным- полно. Так прямо под обрывом на дне и лежат. Наши бабы болтают, что эти кренделя чуть ли не от барской усадьбы остались. А я так думаю, что они просто из обрыва выкатились, потому как видел в одном месте, что один такой камень прямо в глине торчит. Ну вот... А на днях шурин мой - он здесь, в райцентре, живет - увидел мои камни и говорит: «Нынче к нам геологи приехали, землю нашу изучают. Сvez бы ты, показал им эти завитушки, может, и интересно это им будет». Завтра у него, шурина-то моего, как раз день рождения, вот я и приехал сюда. А заодно и камни эти прихватил. Хотя, может, и ни к чему они вам...

- Что вы! Что вы! Вы даже не представляете, какую услугу нам оказали. Спасибо вам огромное! Простите, не знаю, как вас зовут...

- Да что вам в этом... Ну, Маркел я, Маркел Иванович Гаранин. А камни, значит, стоящие?

- Не только стоящие. Их только нам и не хватало. По ним мы теперь всю геологическую историю вашего края распишем. Только скажите, где он, этот третий перекат? Кстати, вы и о какой-то усадьбе упомянули.

- А как же! Как раз над этим самым обрывом стояла в прошлом веке усадьба господ Мишульских, были у нас такие богачи. Правда, сейчас-то от этой усадьбы ничего не осталось. Одна часовня над Святым ключом...

- Что?! - невольно воскликнул Сергей. - Часовня? Над Святым ключом?!

- Да. Вот ведь какая оказия: и усадьбу давно порушили, и от села Благовидово ничего не осталось. А часовня как стояла, так и стоит...

- А вы... Вы что, живете там неподалеку?

- Нет, живу я далековато от тех мест, а бываю частенько: рыбалка там хорошая. И потом... Тянет меня в те места, ведь предки-то мои в Благовидове жили. К тому же природа в тех краях - закачаешься!

- А вы не могли бы показать это место на моей карте?

- Давайте попробую, - Маркел Иванович склонился над планшетом. - Так... это, стало быть, наш райцентр... Это Михайлов хутор. Дальше... Это, похоже, поворот за Егорьевскими выселками, тут дорога все время идет лесом. Ну а в этой вот излучине... Да, тут и стояло Благовидово.

- Спасибо! Еще раз вам спасибо, Маркел Иванович. Завтра же выедем на эту точку.

- Ну, помогай вам Бог. Будьте здоровы.

- До свидания, Маркел Иванович. Да, - спохватился Сергей. - А сколько вам за эту находку?

Но Гаранин лишь махнул рукой:

- Ты что, смеешься, начальник? Нешто камни чего-нибудь стоят? Сгодятся они вам - и слава Богу! А я пошел, не то шурин еще в розыски ударится.

Сергей проводил гостя до самых дверей и вернулся к его находке. Она была поистине уникальной. Поражало не только многообразие форм, но и их замечательная сохранность. Раковины словно специально были подобраны для музейной выставки.

Нет, теперь было не до сна! И если Софья еще не спит...

Сергей схватил один из образцов и выскочил во двор.

В окнах боковушки горел свет. Он легонько стукнул в ставень, вполголоса назвал себя.

Окно тотчас раскрылось, и в нем показалось удивленное лицо Софьи:

- Сережа?! Я думала, вы давно спите.

- Спал бы, да вот, смотрите! - он протянул ей раковину.

- Ой! Симбирскитес верзиколор? Откуда это? Вы привезли с собой?

- Ничего я не привозил. Пойдемте-ка в камералку. Там вас ждет такое!..

- Сейчас иду.

Через минуту они снова перебирали драгоценные окаменелости, не переставая восторгаться невероятной удачей.

- Смотрите, Сережа, это же симбирскитес коронатиформис, - говорила Софья, любовно поглаживая одну из раковин. - А это - симбирскитес дешени, основная форма баррема. Как раз то, что нам нужно. А он, этот человек, сказал, где их отыскал?

- Конечно, вот я и на карте пометил. Но это еще не все. Он сказал, что это то самое место, где когда-то располагалось село Благовидово и усадьба господ Мишульских. Помните, вы расспрашивали о ней нашу хозяйку?

- как не помнить! Усадьба Мишульских... Но ведь она сказала, что от нее ничего не осталось.

- И мой гость сказал то же самое. Одна часовня, говорит, стоит на голом берегу...

- Что?! Часовня?! - воскликнула Софья вдруг изменившимся голосом.

- Да, стоит, говорит, там уже лет двести, если не больше. Вот я и подумал, уж не та ли это часовня...

- какую вы видели в своем сне времен Бородинского сражения?

- Да. Но тот сон не в счет. Я видел ее и в других снах, совсем недавно. И в этих снах... Я ведь не сказал вам прошлый раз самого главного - того, что эта часовня... - Сергей поднял глаза на явно чем-то встревоженную девушку и сразу смолк, словно лишившись дара

речи, пораженный тем, что не столько увидел, сколько почувствовал при взгляде на своего старшего геолога вдруг просто женщину, слабую, беспомощную, ставшую беспредельно близкой, желанной, родной ему.

Нет, дело было не в том, что вопреки обыкновению она была сейчас не в грубом энцефалитном костюме, который не снимала в последние дни с утра до вечера, а в легком ситцевом халатике, который лишь подчеркивал ее тонкую, безукоризненно сложенную фигурку и стройные, изящно очерченные ноги, дело было в том, что в глазах ее, выражении ее лица, каком-то особенном повороте головы, изгибе шеи, вне всякого сомнения, угадывалась та, кого он видел в своих снах.; И что-то потянуло его к ней - властно, неудержимо, так, что перехватило дыхание. >

Но юноша лишь осторожно коснулся ее рук и легонько сжал тонкие горячие пальцы. И она не отняла их, не отстранилась от него, не произнесла ни слова. Она словно затерлась в ожидании того, что он скажет дальше. А он по-прежнему не мог выдать из себя ни звука, ощущая, как что-то вроде легких электрических разрядов стекает с кончиков ее пальцев ему в ладонь, доходя до самого сердца.

Так прошло несколько минут. Наконец губы ее разжались.

- Так что связано с этой часовней, Сережа? - тихо спросила она, не отнимая руки.

- Что связано с этой часовней? - словно очнулся Сергей. - Да, я не сказал вам тогда самого главного. И теперь не знаю, с чего начать. Скажу лишь, что я уже тогда, в своих снах, видел себя именно здесь, на Ермиши. Да, на Ермиши!

Это слово не раз звучало у меня во сне как наяву. Хотя я могу определенно сказать, что никогда не слышал, не читал об этой реке. И часовня эта... Я видел ее тоже только во сне, но всякий раз на берегу Ермиши. И вот там, возле этой часовни, я будто встретил одного человека... одну девушку... И эта девушка... Словом, только ради нее я и приехал в эти края. Она будто позвала меня сюда... Это трудно передать словами. Вы наверняка не поймете меня. Но это так. И еще. В одном из снов я видел, что как раз возле этой часовни меня ждет что-то вроде клада, также связанного с этой девушкой. Но и это не самое главное. Самое главное - я чувствую, понимаете, чувствую, что встретил вас не случайно, что вы тоже имеете какое-то отношение к тому, что я видел в своих снах, что эта девушка и вы... Нет, больше я ничего не скажу, иначе вы назовете меня просто сумасшедшим. А ведь вы стали для меня...

- Не надо, Сережа, - остановила его Софья. - Вы ничего еще не знаете обо мне. А между тем... Вот вы упомянули о часовне, и я... Но вы по-прежнему не хотите пока сказать всего. И наверное, правильно делаете. Скажите только, эта часовня, что вы видели во сне и о которой говорил ваш сегодняшний гость, действительно стоит на берегу реки, над ключом, который называют Святым?

- Что?! Вы сказали - Святым? Значит, вы тоже знаете о ней?

- Знаю, Сережа. И мне тоже нужно многое рассказать вам. Очень многое. Я тоже не случайно приехала сюда, на Ермишь, но... Пока мы действительно не готовы к такому разговору. Да и время уже... - она показала на часы. - Оставим все до завтра, до того как побываем на этом месте, посмотрим на эту часовню и вообще... Я тоже думаю, нет, почти уверена, что там откроется что-то очень важное для нас обоих. А пока - доброй ночи!

- Да разве я смогу теперь уснуть!

- Это нужно, Сережа. Нужно, дорогой мой человек. - Она нагнулась к нему и, неожиданно поцеловав в щеку, выскользнула в дверь.

Глава восьмая

На следующий день в камералке, где собрался почти весь состав партии, только и разговоров было что о неожиданно появившихся окаменелостях. Их осторожно перекладывали с места на место, внимательно рассматривали, передавая из рук в руки, не только геологи, но и коллекторы, и даже молодые рабочие, успевшие вжиться во все дела и заботы партии.

- Да это прямо музейные образцы! - не переставал восторгаться Степан, поглаживая крутые, ребристые бока аммонитов и любуясь причудливым рисунком их структурных линий.

- Что и говорить! Никогда бы не подумал, что все это так вот может вывалиться в реку из одного обнажения! -поддержал его Петр.

- А может, это в самом деле что-то вроде муляжей, -подал голос один из коллекторов.

- Нет, друзья, в том, что это натуральные окаменелые раковины аммонитов, причем прекрасной сохранности, нет никаких сомнений, - возразила Софья. - Но то, что все они из какого-то одного здешнего обнажения, надо, конечно, проверить. Слишком невероятно такое сказочное везение.

- Так поехали проверим! - раздалось со всех сторон. Всем, естественно, не терпелось сейчас же отправиться на место, где было якобы обнаружено такое богатство, чтобы удостовериться, что именно из ставших всем известными готерив- барремских глин были извлечены такие прекрасные окаменелости. Но Сергей сразу остудил их пыл:

- Нет, сегодня каждый отправится по своему маршруту, как было условлено вчера. Незачем пока менять график работы. Тем более что доля сомнения в достоверности рассказа моего вчерашнего гостя остается и у меня. Съездим туда сначала лишь мы с Софьей Васильевной, и если все окажется так, как мне рассказывали, то с завтрашнего дня мы, возможно, даже несколько изменим стратегию съемки: будем двигаться не с севера на юг, а с юга на север, взяв за опорное обнажение именно это кладбище аммоноидей, которое, если верить нашему визитеру, располагается почти у самой южной границы на карте. А сейчас так: доставляем на точку твой отряд, Степан, затем - отряд Петра, по пути забрасываем на тригопункт топографов и завозим на опорный разрез рабочих, а сами едем дальше на юг - попробуем отыскать это уникальное обнажение с аммонитовой фауной, если оно действительно существует. Коллекторов моих и Софьи Васильевны высадим на обнажении с рабочими, чтобы они сразу же задокументировали произведенную расчистку и, таким образом, покончили с этим разрезом, который теперь будет не столь уж важным. Всем все понятно?

- Все понятно, - ответил за всех Степан.

-тогда грузимся и - в путь!

Все направились к выходу из камералки. Но в это время дверь раскрылась, и в комнату ввалились два подвыпивших мужика.

- Слышь, начальник, нам бы деньжонки получить, -заговорил один из них, едва переступив порог.

- Да, рассчитались бы с нами, пока не уехали, -подхватил второй. - Деньги - во- о как нужны.

-какие деньги? За что? - не понял Сергей.

- А вот тут написано, - протянул ему смятый лист бумаги тот, что вошел первым. -за расчистку обнажения, значит.

-какого обнажения? Софья Васильевна, Степан, Петр, вам знакомы эти люди?

- Нет, в первый раз их видим, - ответили геологи.

- Да кто вас нанимал, кто писал эту бумагу? - Сергей не знал, что и подумать.

- Дык этот... как его... завхоз ваш, Ярин.

- Ничего не понимаю! Степа, пригласи сюда Ярина. Тот не заставил себя ждать.

- Ну, что еще? - состроил он недовольную гримасу.

- Вадим Федорович, скажите, пожалуйста, что это значит? - протянул ему Сергей злополучную бумагу.

- Что, вы не видите? Акт о приеме работы.

-какой работы? О каком обнажении идет речь?

- А вам что, сотни целковых казенных денег жалко?

- Я хочу знать, о какой расчистке здесь написано?

- Ну, слова «расчистка обнажения» - это просто так, для бухгалтерии. Ребята помогли мне кое в чем: бочки с бензином перекачали, ящики с образцами перенесли, еще кое- что... Но это же не напишешь в акте. Вот я и...
- Вот вы и расплачивайтесь за такую «работу». Я плачу только за то, что связано с геологической съемкой. Кстати, бочки с бензином как лежали под навесом, так и лежат. Все ящики с образцами коллекторы еще вчера перенесли в кер- нохранилище.
- Ну, может, не бочки и не ящики. Это я так, к слову сказал. Мало ли всяких дел по хозяйству! Всего не упомнишь... В общем, помогли мне ребята, и я, как человек...
- Понятно!
- Что вам понятно?
- Понятно, что вы за работник. Да и... что за человек.
- Вот оно что! - пьяно осклабился Ярин. - Я, стало быть, по-вашему и не человек. А вы... вы... Да я уж с десятков, если не больше, всяких начальников повидал. Но таких крохоборов и жмотов... - перешел он на крик.
- Перестаньте, Ярин, - попытался сохранить спокойный тон Сергей.
- Нет, не перестану! - продолжал кричать тот. - Вы вон своей крале за ее бесстыжие глаза отдельную боковушку выделили, а у меня, как у бездомного пса, даже своей конуры нет. Или вам с ней так удобнее всякие шуры- муры...
- Ну хватит! - оборвал его Сергей. - У нас - работа. Вечером поговорим.
- Нет, не вечером! - вмешалась в разговор Софья. - Сергей Петрович, всему должен быть предел. Или вы сегодня же, сию минуту, уволите этого негодяя, или мы, вся партия, пишем коллективное письмо руководству геологического управления. Больше так работать нельзя! Верно, ребята?
- Все одобрительно загудели.
- Вы слышали? - обернулся Сергей к Ярину. - Мне просто нечего больше добавить. Пора нам действительно расстаться. Сегодня же я подпишу приказ. Подготовьте дела к сдаче.
- Вот, значит, как! - взорвался Ярин. - Одно слово этой вертихвостки, и вы уже - приказ? Но я вам покажу! Вы еще узнаете, кто такой Ярин! Вы еще...
- Ну всё, всё! - отмахнулся от него Сергей. - Поехали, товарищи!

Глава девятая

Ехали, как всегда, с шутками, с задорным смехом, и уже через час с небольшим подкатали к знакомому дубу у бревенчатого мостика, где предстояло высадить группу коллекторов и рабочих.

Сергей еще раз уточнил все, что следовало сделать им на обнажении, и, развернув планшет, готов был уже забраться в машину, как его окликнул один из коллекторов:

- Сергей Петрович, можно вас на минутку.

- Да.

-только отойдем немного в сторону.

Сергей удивленно пожал плечами, но, не раздумывая, последовал за давно приглянувшимся ему пареньком. Тот был студентом- практикантом из института, где учился он сам, и это не могло не сказаться на его отношении к молодому, к тому же весьма незаурядному, коллеге .по альма- матер.

- Так что у тебя, Володя? - спросил он, когда они отошли от машины.

- Ничего хорошего, Сергей Петрович. Я, как, может быть, вы заметили, вышел последним из камералки. А Ярин и эти двое остались еще там. Они не заметили меня за полуприкрытой дверью. А я все видел и слышал. Так вот, я увидел, как один из этих мужиков передал Ярину оружие. Огромный такой кинжалище! А Ярин сказал: «Сегодня же прирежу ее, сучку». Это он, видно, о Софье Васильевне сказал. А те двое, похоже, готовы помочь ему. От них что угодно можно ждать. Я их знаю. Один, говорят, только что из тюрьмы вышел, а второй до сих пор под следствием по какому-то уголовному делу. Бандюги, одним словом. Так что надо как-то обезопасить Софью Васильевну.

- Я подумаю об этом, Володя. Хорошо, что ты предупредил меня. Но, может, Ярин все это только с пьяных глаз брякнул?

- Если бы так! А нож? Такие люди на все способны. Во всяком случае если что, рассчитывайте на нас, мы их враз скрутим!

- Спасибо, Володя. Мы еще поговорим об этом. А сейчас - до вечера. Да, этот подлец действительно способен на все», - подумал Сергей с нарастающей тревогой. Но мысли о предстоящей встрече с чем-то загадочно-интригующим и манящим отодвинули на задний план все страхи и тревоги. Он проводил глазами перебирающийся через реку отряд и кивнул ожидавшему его шоферу:

- Теперь, Федя, прямо по дороге километров пятнадцать-двадцать. Никаких заметных ориентиров я назвать тебе не могу: судя по карте, на всем этом расстоянии ни одного населенного пункта. А чтобы мне самому было удобнее следить за всем, что встретится по пути, я переберусь, пожалуй, к Софье Васильевне в кузов. Когда надо будет остановиться, мы стукнем тебе. И еще: езжай, пожалуйста, помедленнее, чтобы нам легче было заметить то, ради чего мы предприняли сегодняшний маршрут. Ясно?

- Куда уж яснее, - буркнул шофер, забираясь в кабину.

И вот перед ними снова побежала змеящаяся лента накатанной дороги. Но по обеим сторонам ее вместо полей и лугов теперь потянулись веселые рощицы одетых в свежую листву деревьев, среди которых наряду с липами, березами и кленами можно было различить огромные давно одичавшие яблони и груши и даже целые заросли сирени и жасмина.

Все это осталось, по-видимому, как реликт когда-то бывших здесь роскошных садов и парков российской знати, какою славилась рязанская земля и сказания о которой до сих пор сохранились в памяти местных старожилов.

Стоит ли говорить, с каким волнением Сергей вглядывался в каждый мелькавший сквозь ветви деревьев изгиб реки в надежде увидеть что-то подобное часовне. Софья также не отрывала глаз от бегущих навстречу лесистых берегов. И хотя оба они не говорили почти ни слова, иногда обмениваясь лишь ничего не значащими замечаниями, все их мысли были поглощены предстоящей встречей с чем-то таинственным и труднообъяснимым.

Так они подъехали к тому месту, которое Сергей пометил накануне вечером на карте. Но как назло стена деревьев стала теперь еще плотнее - река почти скрылась за их пышными кронами.

- Может, остановимся и пойдем дальше пешком по берегу, - предложила Софья осипшим от волнения голосом.

- Проедем еще немного, - ответил Сергей, вглядываясь вдаль. - Там, впереди, кажется, просвет. Да и мой вчерашний визитер говорил, что часовня хорошо видна с дороги.

И действительно, не прошло и минуты, как машина вырвалась из лесистой теснины на широкий простор и перед глазами Сергея и Софьи предстала долина реки с луговым и противоположным почти голым, полого вздымающимся к далеким холмам берегом.

Весь тот берег был покрыт мелкощебенчатой осыпью, лишь местами зеленеющей скупыми пятнами разросшейся ежевики и редкими кустами шиповника. И вот на этом-то пустынном склоне, почти у самого уреза воды, притулилось то, что с известной долей воображения можно было назвать часовней. В действительности же это был крохотный сильно покосившийся столбик, сложенный из дикого, источенного временем камня, на вершущке которого сохранился погнутый проржавевший крест.

Неподалеку от часовни, чуть выше по течению, через реку был переброшен легкий дощатый мостик, а сразу за ним, в обход часовни, угадывалась старая, давно заброшенная мощенная булыжником дорога. Она начиналась от самой воды, что означало, что когда-то здесь был добротный деревянный или каменный мост, и поднималась на невысокий холм, подступающий к самой реке, который завершался крутым обрывом. Этот обрыв, видимо, и имел в виду Маркел Иванович, а дорога шла к некогда располагавшейся на холме усадьбе господ Мишульских.

Все это мгновенно словно отпечаталось в мозгу Сергея и Софьи, и они, как по команде, заколотили по крыше водительской кабины. Машина остановилась. Сергей выпрыгнул из кузова, помог спуститься на землю Софье.

- Ну, кажется, прибыли, - обратился к ней Сергей. - Тут и часовня, и обрыв, о котором говорил мой гость. Сразу пойдем на обнажение или... - он покосился на часовню.

- Во всяком случае, сначала переберемся на ту сторону реки.

- Да, конечно. Благо и мостик словно ждал нашего приезда.

- Здесь все словно застыло в ожидании, - заметила Софья, не спуская глаз с открывшейся им картины.

- И того и гляди - исчезнет, как в страшном сне.

- Или, наоборот, оживет, как в старой доброй сказке.

- Оживет не оживет, но, возможно, и откроет нам нечто такое, что я боюсь даже предположить. Но не будем пока ничего загадывать. - Сергей заглянул в кабину к шоферу.

- Федя, ты устраивайся тут, отдохни с дороги. А мы пойдем посмотрим, что и как. Видишь вон тот обрыв? Это в нем были найдены, похоже, окаменелые раковины, что ты видел сегодня утром. Вот мы и покопаемся там.

- Так, может, подъехать к нему поближе?

- Нет, тут через реку не переправиться. Вон как она разлилась! Хорошо, что этот мостик соорудили добрые люди.

- Ну, с Богом! - Федор тотчас же развалился на сиденье. А Сергей и Софья, перейдя по мостику, подошли к часовне.

Здесь, вблизи, она имела еще более жалкий вид. Камни, из которых часовня была сложена, сильно потрескались, почернели, покрылись бурными разводами лишайника. Земля вокруг нее поросла жесткой осокой, покрылась коростой окаменевшей пыли. И весь вид ее напоминал дряхлую согбенную старушку, скорбно склонившуюся над светлым, тихо журчащим родничком.

Чем-то далеким, давно прошедшим, напрочь забытым и в то же время до боли знакомым повеяло на Сергея от этой картины мрачного запустения. Тугой комок подступил к горлу. Сердце сжалось в тоске по чему-то потерянному, навек утраченному, канувшему в небытие. И, подчиняясь какому-то внезапному, скорее подсознательному, порыву, он припал лбом к лицевой стенке часовни и замер, отрешившись от всего, что окружало его в этой жизни. В этот миг он забыл даже о Софье и, только оторвав лицо от холодного камня, увидел, что она также склонила голову перед древней святыней, уйдя в мир каких-то своих, одной ей ведомых, переживаний.

Так прошло несколько минут, в течение которых оба они не произнесли ни слова. Наконец Софья легонько коснулась его плеча:

- Ну вот и все, Сережа. Я знала, чувствовала, что часовня существует, верила в это как в чудо. И чудо свершилось. Я вернулась к ней.

- Вернулась?!

- Ну, может, я не так выразилась. Я хотела сказать, вернулась в своих мыслях, своих исканиях, нашла то, что жило где-то в глубинах моего подсознания, памяти. Да ведь и у вас, я знаю, с ней связано что-то не совсем обычное, вы тоже словно встретили здесь нечто давно знакомое.

- Да, именно ее, эту часовню я видел в своих снах. Помните, я говорил об этом? И значит здесь, под этой часовней или где-то вблизи нее, должен быть...

- тот клад или что-то подобное, что было связано с девушкой, какая являлась вам во сне?

- Да, все это было определено здесь. Теперь я словно узнаю не только часовню, но и эту широкую излучину реки, и этот ключ, и эту мощеную дорогу, которая вела к усадьбе господ Мишульских. Именно такая картина осталась в памяти после моих снов. Правда, вон там, на взгорье, чуть выше по течению реки стояло еще село - большое, красивое, с высокой белой церковью, базарной площадью, садами, огородами...

- то, что называлось Благовидовом?

- Там, во сне, я не слышал такого названия. Но, судя по тому, что рассказывал Маркел Иванович, видимо, так оно и было. Мне это село запомнилось главным образом тем, что виделось в нем что-то от милого сердцу тургеневского прошлого, от доброй, истинно русской старины. Об усадьбе Мишульских я уж не говорю - это было настоящее «дворянское гнездо» во всем его великолепии. А теперь... Вместо всего этого - сплошной голый пустырь. И если бы не часовня...

- Да ведь и ей досталось, еле стоит, горемычная, - вздохнула Софья. - А что, как вы думаете, было спрятано под ней?

- Не знаю... Тот, последний, мой сон был не очень отчетливым. Вспоминается лишь глухая полночь, черная, еле видимая во тьме часовня, смурый, убитый горем кузнец и небольшая просмоленная коробка у него в руках. Но что он вложил в нее, я так и не понял. Сказал, что там выкованный им в подарок мне кинжал и что-то еще. А что еще, я должен был, по-видимому, сам знать. Ясно было только, что речь шла о чем-то связанном с ней, той девушкой, которая мне снилась; что это она передала ему что-то для меня. Но что это могло быть? И почему она не могла передать мне сама? Я до сих пор теряюсь в догадках. Помню только, что был той ночью в жуткой тревоге, чувствовал, что случилось что-то страшное, какое-то кошмарное несчастье, что я не увижу ее больше никогда. В голове у меня до сих пор звучат последние слова кузнеца: «Выкопаешь наш клад, вспомнишь ее, сердечную...» И как апофеоз этого сна ее голос, только откуда-то сверху, будто с небес: «Вернись! Вернись ко мне! Я жду... жду... жду...». Что она хотела этим сказать? И что вообще значили мои сны, в которых я чаще всего видел ее залитое слезами лицо? Едва ли это лишь следствие реинкарнации, если она и существует. Тут что-то более глубокое, таинственное. Но что?! Ответ на это, может быть, и даст то, что спрятано здесь, под часовней. Вот почему мне так не терпится покопаться возле нее. Но, сами понимаете...

- Сергей не стал продолжать, боясь даже лишним словом спугнуть робкую надежду на то, чего он ждал здесь найти, что могло бы объяснить все его душевные метания, все его непонятные переживания и предчувствия.

Да, теперь до разрешения загадки оставался один шаг. Но именно этот шаг было страшнее всего сделать. А если он ничего здесь не найдет? Если этой встречей с часовней все и закончится? К чему тогда вся эта нелепая история с поездкой сюда, на Ермишь, с работой на этом не бог весть каком интересном в геологическом отношении месте?

- подождите, Сережа, - словно прочла его мысли Софья. - Я догадываюсь, что вы хотите сказать, но... ведь мы приехали сюда не только ради прошлого. Пора навестить и здешнее обнажение, взглянуть на этот уникальный обрыв. Кстати, там тоже может встретиться нечто, подобное часовне. А к ней мы еще вернемся. Впереди - целый день.

- Да- да, - обрадовался Сергей возможности отсрочить последний шаг к раскрытию тайны часовни. - Конечно, обнажение - прежде всего. Просто я увлекся немного.

Они спустились на бечевник и по еле заметной тропинке направились в сторону обрыва. Но в мыслях Сергей по-прежнему не мог отрешиться от своих снов.

- Так, значит, на этом месте, - указал он на возвышающийся над обрывом холм, - и стояла усадьба Мишульских?

- Да, видимо, так, - кивнула Софья.

- Но, похоже, там действительно ничего не осталось.

- Не может быть. Что-то должно сохраниться. Осталась же эта часовня.

- Часовня - святыня.

- А разве не может быть других святынь - святых, возвышенных чувств? святой, беззаветной любви? святой, вечной памяти?

- Но как все это может сохраниться?

- А вот посмотрим там, на этом холме, может, что и увидим, - она постаралась улыбнуться, но глаза ее почему-то наполнились слезами, а голос задрожал. - Я ведь тоже не случайно поехала на Ермишь.

- Да, вы говорили, но я так и не понял...

- Пошли, пошли! -заторопила она его. - У нас еще будет время поговорить. Пока мне самой не все ясно.

Они ускорили шаги. Но не прошли и нескольких десятков метров, как натолкнулись на грудку битого кирпича, перемешанного с кусками угля.

- Это еще что такое? - не сразу понял Сергей.

- Что-то вроде развалин кузницы, - проговорила Софья.

- Кузницы?! Да, кузницы... - мгновенно вспомнил он. -как же без нее. Все мои сны вращались вокруг этой кузницы. Будто все детство и юность прошли в ней. А главное - именно здесь, неподалеку от кузницы, точнее, возле часовни впервые встретил я барышню Мишульскую.

- Барышню Мишульскую? Так это ее вы видели во сне?

- А вас это удивляет?

- Напротив, я так и думала, что это она вам снилась на ермишских берегах.

- Пойдите! А откуда вы-то знаете о барышне Мишульской?

- Ну, во- первых, из документов, с которыми я познакомилась недавно в райцентровском архиве. А потом... кто же еще мог заинтересовать вас, если ваши навеянные игрой случая сны перенесли вас в позапрошлый век и в эти самые края?

- Вы шутите! Какая там игра случая, если эти сны... эта кузница... эта часовня... - он перевел взгляд на искрящуюся солнечными бликами поверхность реки и - о чудо! - вдруг увидел, как две большие белые птицы с грациозно изогнутыми шеями подплыли к самому берегу и усталились на него черными бусинками глаз, а в ушах снова послышался стук колес и цокот копыт подъезжающей тройки.

Он живо обернулся назад, но в знойном мареве по-прежнему дрожало лишь унылое щебенчатое взгорье со следами давно неезженной дороги да узкий дощатый мостик, по которому едва мог пройти и пеший человек, а стучала, должно быть, кровь у него в висках от нахлынувших впечатлений. Да и было отчего стучать: он все больше узнавал и этот берег реки, и этот ведущий к обрыву бечевник, и сам обрыв, круто вздымающийся над водой. И уж почти не сомневался, что все это было. Было здесь. Было на самом деле. Но возможно ли такое? Уж не видит ли он и теперь все это лишь во сне?

Однако голос Софьи вернул ему чувство реальности:

- Да, я пошутила, Сережа. Ведь я и сама не могу прийти в себя от всего увиденного. Мне тоже знакомы и эта часовня, и эта кузница, и этот обрыв, хотя я также никогда не бывала здесь. Я также надеюсь найти в бывшей усадьбе господ Мишульских что-то такое, что утвердило бы меня в моих безумных предположениях, и также боюсь ошибиться в своих надеждах.

- Что вы говорите, Соня! Значит, вы... - он повернулся к ней и словно лишился дара речи: в лице Софьи, ее глазах, жестах определенно было что-то от той, что промчалась здесь в роскошном экипаже и ожгла его пьянящим взглядом. Так что же это все-таки - продолжение сна?

- Соня! - схватил он ее за руки. - Скажите мне наконец, кто вы? Я же вижу, что вы не та, за кого себя выдаете, что вы и барышня Мишульская...

- После, после, Сережа! - остановила его Софья. - Говорю вам, мне самой еще не все ясно. Вот сходим к обрыву...

- Да что обрыв! Разве сейчас до обнажения? Сколько мы их уже облазили.

- Но это не совсем обычное обнажение. Да и дело не только в обнажении. Мало ли что можно встретить там еще, у этого обрыва.

Сергей снова взглянул на реку. Два лебедя по-прежнему плавно скользили почти у самого берега. А узкая лента бечевника, казалось, плавилась в лучах полуденного солнца.

- Да, здесь действительно можно ждать чего угодно, - согласился он. - Ладно, пойдемте взглянем на обрыв.

Они вернулись на бечевник и уже через несколько минут стояли у подножья огромного обнажения, взметнувшегося на высоту трехэтажного дома. У Сергея аж дух захватило от

представшей перед их глазами картины. Трудно было не залюбоваться геологу столь редкостным чудом природы. Здесь не только, как на странице раскрытой книги, выстроились друг над другом все известные им горизонты готеривского и барремского ярусов, но и - что было особенно поразительным - почти каждый из них был просто-таки нашпигован остатками ископаемой фауны. Вся полоса бечевника была завалена обломками раковин и ядер аммонитов, белемнитов и пелеципод. Бесчисленные идеально отмытые прекрасно сохранившиеся формы были видны сквозь воду и на дне реки. Но поистине бесценными были, разумеется, образцы, залегающие в самих пластах.

- Вот это да! - воскликнул Сергей, охваченный геологическим азартом. - Так может повезти раз в жизни.

- Да, теперь мы решим все наши проблемы, - коротко заметила Софья.

- Но вы, кажется, не очень рады.

- Не в этом дело. Этот обрыв... Пройдем немного дальше, вот в этот ложок.

- А что там?

- Не знаю... Но, может быть... Пойдемте, пойдемте! - она взяла его за руку и нырнула в густые заросли орешника, сплошь заслонившие проход в небольшую расселину, полого поднимающуюся к вершине холма.

Впрочем, не прошли они и нескольких шагов, как плотная стена кустов раздвинулась и, к удивлению Сергея, под ногами у них проступили замшелые ступени полуразрушенной каменной лестницы.

- Это что, Соня, бывший парадный спуск к реке из усадьбы Мишульских? - невольно усмехнулся юноша.

- Пойдите, пойдите, Сережа. Пока ни о чем не спрашивайте, - остановила его Софья, явно стараясь справиться с охватившим ее волнением. - Сейчас мы, может быть... - голос ее прервался. И вдруг: - О Боже!!! - она рванулась вперед, и Сергей увидел, что лестница вывела их на небольшую каменную площадку, в центре которой лежала сплошь заросшая мхом мраморная плита с небольшим металлическим крестом, смутно поблескивающим сквозь моховой ковер.

- О Боже! - снова воскликнула Софья, задохнувшись в приступе рыданий, и как подкошенная повалилась на колени, уронив голову на могильную плиту.

Сергей с минуту смотрел на эту скорбную сцену, не зная, что и подумать о всем происходящем. Затем опустился рядом с Софьей и осторожно пригладил ее рассыпавшиеся по плечам волосы.

- Ну что ты, Сонюшка? Что с тобой? - ласково заговорил он, не заметив даже, что впервые обращается к ней на «ты». - Здесь похоронен кто-то из твоих родственников или близких?

- Не знаю... Не знаю даже, как назвать того, кто лежит под этой плитой, - прошептала она сквозь слезы. - Знаю только, что это был совсем маленький мальчик. Он умер трех месяцев от роду. А мать его... - Софья снова всхлипнула. - Она пережила сына лишь на год с небольшим. Только, где ее могила, не ведают никто.

- Но почему же ты...

- Почему я оплакиваю этих людей? Почему так рвалась в ермишскую партию? Почему мне не терпелось увидеть это древнее надгробье в развалинах усадьбы Мишульских? Этого в двух словах не скажешь. Но теперь я смогу открыть тебе все, Сережа.

- Я слушаю, Соня.

- Нет-нет, не здесь! Мы поговорим об этом позже, может быть, уже сегодня вечером. Мне надо еще собраться с мыслями. Все это так неожиданно -то, с чем мы столкнулись сегодня.

- Я тоже не могу прийти в себя от всего увиденного. Одно дело - что-то пережить во сне. И совсем другое - встретиться с этим наяву.

- В том-то и суть, что твои сны - не просто сны, Сережа. Я поняла это сразу, как ты упомянул о них. Поняла и почувствовала, что мы связаны чем-то большим, нежели обычные человеческие отношения. И я догадываюсь, чем.

- Чем же, Соня?

- Вот об этом нам и надо будет поговорить. Я давно собиралась это сделать. Но боялась, что ошибаюсь в своих предположениях. А сегодня у часовни, потом у развалин старой кузницы и вот сейчас у этой могильной плиты окончательно убедилась, что это так.

- Я тоже чувствовал, что есть что-то необычное в том, что мы встретили друг друга. Словно сама судьба привела нас обоих в эти края. И тоже боялся прямо сказать тебе об этом. Но теперь...

- Теперь ты не удивишься даже тому, что найдешь в земле, под часовней.

- Ты уверена, что там действительно что-то есть?

- Почти.

- И знаешь, что это может быть?

- Я знаю все, Сережа.

- Но ведь мне снилось, что там были только мы вдвоем с кузнецом.

- Я говорю, что это был не просто сон, Сережа. И сейчас ты сам убедишься в этом, ибо раз действительно существует это надгробье, то должно существовать и то, что спрятано под часовней.

- Ну что же, осталось убедиться и в этом...

Часовня встретила их все тем же печальным запустением и тленом. Теперь, после свидания с древним надгробьем, это впечатление стало еще острее, еще тягостнее. И все-таки Сергея не оставляла надежда, что его ждет здесь что-то необычайно интересное и значимое.

Он обошел часовню со всех сторон и скоро увидел, что с одной стороны поверхность земли явно понижена, словно несет следы давнего проседания. Здесь, очевидно, и следовало попробовать покопать.

- Эх, жалко, лопаты нет! - посетовал он, поплевав на руки. - Но, может, молотком обойдемся.

- Едва ли. Да и что за нужда, - возразила Софья. - Машина-то вон, рядом. Сейчас я сбегаю туда. Федор без лопаты не ездит.

- тогда я сам сбегаю, да, кстати, и ломик прихвачу, мало ли на что тут можно натолкнуться.

Но ломик оказался совершенно лишним. Не успел Сергей углубиться и на два штыка, как лопата уперлась во что-то твердое, и он извлек из земли плоский продолговатый предмет, тщательно обернутый прочной просмоленной холстиной.

Сергей размотал слежавшуюся тряпицу, сбил молотком окаменевший слой смолы и обнаружил под ним небольшую металлическую коробку вроде той, какую видел во сне.

Раскрыть коробку не составило большого труда: она не имела никакого запора - и перед глазами Сергея и Софьи предстало два небольших свертка из пергаментной бумаги. В одном из них они увидели красивый, искусно сработанный кинжал, в другом - изящно выполненную золотую табакерку. Открыть ее было труднее. А когда Сергей разгадал наконец секрет замка и крышка табакерки сама собой сдвинулась в сторону, то оказалось, что внутри нее было вложено обручальное кольцо, локон светло-русых волос и свернутая в трубочку записка.

От всего этого исходил тончайший аромат каких-то дивных духов, напомнивший Сергею что-то давным-давно забытое, но бесконечно близкое, родное, связанное с самым дорогим, что было у него.

Тщательно расправив записку на ладони, Сергей впился глазами в сильно поблекший текст. В послании было всего несколько строк:

«Мой милый, дорогой, единственный! Лишь тебя одного любила я всей душой. И только тебя одного буду любить до конца жизни, что бы ни случилось с тобой там, на царской службе, и что бы ни сделал со мной мой постылый отец. Сам Бог обручил нас здесь, на земле. И лишь его милость соединит нас в царствии небесном.

Навеки твоя Анастасия

P.S. Видит Бог, я не вынесла бы разлуки с тобой, наложила на себя руки, если бы не почувствовала, что во мне затеплилась другая, подаренная тобой жизнь. Разве я могу убить ее...».

Сергей сглотнул закипевшие в груди слезы. «Анастасия... Да, именно так звали барышню Мишульскую, - сразу вспомнил он, будто перенесясь в далекое прошлое. - Так вот почему она снилась мне в моих вещих снах! Вот почему казалась мне давно знакомой! Вот почему такой грустью были овеваны мои сны! А Софья? Как же она связана с нашим прошлым?»

Сергей обернулся к ней. Софья стояла опершись о стенку часовни бледная как полотно.

- Соня! - схватил он ее за руку. - Знаешь, что я вычитал сейчас в этой записке? Хочешь, прочту тебе?

Она покачала головой:

- Не надо. Я знаю это наизусть.

- Знаешь? Знаешь, что здесь написано?!

- Да. «Мой милый, дорогой, единственный! - медленно начала она дрожащим голосом. - Лишь тебя одного любила я всей душой. И только тебя одного буду любить до конца жизни, что бы ни случилось с тобой там, на царской службе, и что бы ни сделал со мной мой постылый отец. Сам Бог обручил нас здесь, на земле. И лишь его милость соединит нас в царствии небесном. Навеки твоя Анастасия...» - голос ее прервался, глаза наполнились слезами.

- А дальше? - не удержался Сергей.

- Дальше?... Дальше речь идет о том, кто лежит под могильной плитой, которую мы только что видели.

- Значит, это сын Анастасии?

- Да! Я говорила: он прожил всего три месяца.

- Но тогда и Анастасия...

- Она тоже скончалась через год после его смерти.

- Но откуда ты все это знаешь? Она лишь коротко вздохнула:

- Мне ли этого не знать. Ведь я и Анастасия...

- как?! Ты и Анастасия... - не смог закончить Сергей, задохнувшись от внезапно вспыхнувшей догадки.

- Да, так же как ты и тот, кем ты видел себя во сне.

- Невероятно! Сонюшка, дорогая моя... - он обхватил ее плечи, привлек девушку к своей груди. - Я так и знал, я чувствовал... Сразу, как только увидел тебя. И теперь...

Но в этот миг страшный удар грома раздался у них над головой. Огненный зигзаг молнии прочертил внезапно почерневший небосклон. Яростный вихрь взметнул ввысь тучи пыли. И крупные, с грецкий орех, градины запрыгали у них под ногами.

- Бежим в машину! - крикнула Софья, срываясь с места. - Быстрее!

- Постой. А как же это? - кивнул Сергей на содержимое вырытой коробки, бережно разложенное им на небольшом выступе часовни.

- Кидай все в полевую сумку и - ходу!

- А яма... Надо бы ее заровнять, а то...

- После, все после! Видишь, что творится?

- Беги, я - сейчас, - Сергей тщательно уложил в сумку дорогие реликвии, лихорадочно забросал землей место найденного клада и, подхватив лопату, пустился вслед за Софьей сквозь дождь и град, обрушившиеся с грохочущего неба.

Глава десятая

Густые сумерки сплошь затопили притихший двор базы, когда Сергей, разделавшись со всеми неотложными делами, смог наконец выбраться из душной камералки и вдохнуть

всей грудью тугой, пьянящий воздух, настоенный на цветах только что распутившейся калины. Взгляд его сейчас же обратился на окна боковушки Софьи. Но в них почему-то не было ни малейших проблесков света.

«Странно... Мы же договорились вечером встретиться и поговорить», - мысленно посетовал Сергей. Но уже в следующую секунду заметил, что одно из окон распахнулось и в нем показалось что-то белое.

Он быстро пересек двор и подошел к раскрывшемуся окну. За ним стояла Софья.

- заходи, заходи скорее, - прошептала она чуть слышно.

- Но почему ты без света? - удивился Сергей.

- Тише! Так нужно. Не стоит привлекать внимание других.

Он ощупью прошел через темные сени и осторожно раскрыл дверь. Софья взяла его за руку и, проведя в глубину комнаты, усадила на стул.

- Понимаешь, я еще засветло заметила, что из того вон сараюшка, что напротив, без конца плятит глаза на мои окна наш бывший завхоз, - высказала она свои опасения Сергею.

- Ярин?!

- Да. И с ним те двое, что приходили утром. Ну да Бог с ними. С тобой мне ничего не страшно. И все-таки не будем зажигать света.

- Да, так, пожалуй, даже лучше... - он нашел в темноте ее руку и легонько сжал тонкие, слегка вздрагивающие пальцы. - Так что ты хотела рассказать мне?

- Не знаю даже, как начать...

- Ты тоже видела какие-то вещие сны? - постарался прийти ей на помощь Сергей.

- Нет. Но мне с ранних лет, с тех пор, как я себя помню, казалось, что в моей памяти сохранилась какая-то совсем другая жизнь, что я уже была взрослой девушкой, воспитывалась в каком-то закрытом привилегированном заведении, была дочерью очень богатых, знатных родителей и в летние каникулы выезжала в их сельское поместье, являющее собою чудо садово-паркового искусства. Имение это располагалось неподалеку от крупного села над небольшой живописной речкой и было окружено сплошным каменным забором. Первое время мне было строжайше запрещено выходить за пределы этой ограды, но когда я выросла, стала почти барышней, строгий запрет отпал сам собой. Кстати, самые яркие проблески в этой непонятной, сверхъестественной памяти относятся как раз к этому, уже взрослому, периоду моей жизни. Ведь именно тогда, в то время я... Но не буду набегать вперед. Так вот, тогда я уже знала, что принадлежу к очень старинному дворянскому роду Мишульских, являюсь единственной наследницей огромного имения в несколько десятков тысяч десятин земли, а речка, что протекает мимо нашего родового имения, называется Ермишь, в честь одного из наших далеких предков Еремея Мишульского.

Не все картины этой прошлой жизни запечатлелись в моей памяти одинаково хорошо. Некоторые из них до сих пор проступают словно сквозь плотное туманное марево. Но отдельные сцены сохранились настолько отчетливо, будто происходили лишь вчера или несколько дней назад. И одной из таких сцен был мой приезд домой после окончания городского учебного заведения. Помню, ехали мы с кучером в открытом экипаже. Была весна. Воздух словно сгустился от запаха цветущей сирени. Река блестела, как пасхальная позолоченная риза. Два белых лебедя неслышно скользили по ее лону неподалеку от небольшой сельской кузницы.

Мы проехали через мост, обогнули убогую придорожную часовенку, и тут я заметила, что возле этой часовни, прислонившись спиной к ее каменной стенке, стоит мальчик-подмастерье, должно быть, подручный кузнеца. Мальчик был примерно моих лет, худой, бедно одетый, но с такими добрыми, ясными глазами, что я невольно обернулась к нему, наши глаза встретились...

- Боже мой, Соня, что ты говоришь! Ведь это... - Сергей больно сжал пальцы девушки. Но в тот же миг дверь боковушки затрещала под ударами чего-то очень тяжелого и о грохотом рухнула на пол, а тьму прорезал узкий луч карманного фонарика, в свете

которого Сергей успел рассмотреть согнувшегося, как перед прыжком, Ярина и тонкое лезвие ножа, блеснувшего у него в руке.

Между тем луч фонарика описал широкую дугу и уперся прямо в лицо Софьи. Не было сомнения, что в следующее мгновение убийца бросится на нее и нанесет ей смертельный удар. Все решали считанные доли секунды, и Сергей, не раздумывая, ринулся на зловещую фигуру с ножом, вложив в этот бросок всю силу, на какую был способен.

Ярин был выше и сильнее Сергея, но, по-видимому, не ожидал ничего подобного, и оба они тут же повалились на пол. Теперь главное было - выбить из рук убийцы нож. Но силы были слишком неравны.

Оправившись от неожиданности, Ярин сильным ударом прижал противника к стене, и прежде чем Сергей мог вскочить на ноги, грудь его пронзила острая, режущая боль.

Последнее, что он услышал, был топот быстрых ног в сенях и голос коллектора Володи:

- Сюда, сюда, ребята! Эти бандюги уже тут. Я выследил их. Держите их, держите! Четверо - к окнам, остальные - за мной!

«Дорогие вы мои», - пронеслось в помутившемся сознании Сергея, и он провалился в черную зияющую бездну.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Сознание возвращалось медленно. Сначала это были лишь редкие искорки света, слабо мерцавшие в крошечной темноте. Потом замелькали бессвязные картины каких-то зияющих провалов, голых утесов, грохочущих стремнин. Затем откуда-то из-за горизонта начали наплывать неясные контуры диковинных циклопических сооружений, причудливых пейзажей и образов. И только когда тупая, непроходящая боль, сопровождающая все эти видения, немного утихла, они стали приобретать более реальные очертания: то юноша оказывался вдруг на берегу какой-то речки, то на опушке леса, то на глухой проселочной дороге. Но все это было еще туманно, зыбко, с трудом удерживалось в сознании, как появлялось, так и исчезало, пока он не увидел себя наконец в знакомой кузнице, где проработал подручным, как отчетливо запечатлелось в сознании, не один год. Кузницу эту, как и само кузнечное ремесло, он полюбил, казалось, на всю жизнь. Но еще больше полюбился ему старый кузнец Егор Кручинин, взявший его к себе в ученики и воспитавший как родного сына.

Вот и теперь, глядя, как сноровисто и быстро старый мастер орудует молотком, превращая бесформенный кусок раскаленного железа в изящную розочку для господской ограды, он не мог глаз отвести от его ловких жилистых рук.

«Как бы и мне стать таким мастером, как дядя Егор, - мысленно повторял Дмитрий, не переставая налегать на ременную петлю мехов, раздувающих угли в горне, - чтобы тогда и я смог выковать что-то для господ Мишульских!»

Впрочем, вспоминая сейчас о господах Мишульских, он имел в виду отнюдь не старых барина и барыню, частенько проезжавших в своей шикарной карете по дороге, что пролежала неподалеку от кузницы, и не их приказчика Гаврилу, чьи заказы для имения не раз приходилось выполнять им с дядей Егором. Нет, перед глазами его вновь и вновь вставал образ молодой барышни, которую он случайно увидел два дня назад у Святого ключа, куда дядя Егор послал его за свежей водой, и которая с явной заинтересованностью взглянула на него, Дмитрия.

«Вот бы снова ее увидеть! - мелькнула у него потаенная мысль. - Да где там, она, наверное, и шагу не ступит за ограду поместья. А если и ступит...»

- Слышь, Митрий, что я тебе скажу, - вывел его из задумчивости голос старого кузнеца.

- Что скажешь, дядя Егор? - живо отозвался Дмитрий, торопясь отделаться от несбыточной мечты.

- Да вот удумал я... - кузнец пригладил почерневшей от железа пятерней густую, окладистую бороду, достал из кармана кисет, неторопливо скрутил козью ножку. -

Удумал я такое дело... Хватит тебе, чай, одному маяться в пустой избе. Скоро год, как преставились почти в одночасье отец-то с матерью, царство им небесное...

- Так на то божья воля, дядя Егор.

- Знамо, божья воля. Да ведь тебе-то жить надо.

- Я и живу, куда денешься.

- Живешь! Что я, не вижу, как живешь? Бывает, и ночевать остаешься в кузне. И сыт бываешь разве что святым духом. Нешто это жизнь?

- Что поделаешь...

- Что поделаешь, говоришь? А вот что. Намедни толковали мы со своей старухой. И порешили взять тебя в свою семью. Детей, как ты знаешь, нам Бог не дал. Вот и будешь у нас заместо сына.

- Ты мне и без того как отец родной, дядя Егор.

- Значит, сам Бог велел нам жить вместе.

- Так-то оно так, да ведь...

- Или не нравится тебе моя задумка? - враз помрачнел кузнец.

- Что ты, дядя Егор! Я бы всей душой, всем сердцем, только...

- Что только?

- Чем я отплачу тебе, вам с тетей Глашей за такую милость?

- Л ты уж отплатил. Стараньем своим, душевностью, почтением. Люб ты мне, Митрий. Души в тебе не чаю. И Глафира моя: вот бы, говорит, такого нам сыночка! Ну как, идешь к нам в семью?

- Спасибо, дядя Егор. До конца дней своих за вас с тетей Глашей буду Богу молиться.

- Ну вот и ладно. А теперь - шабаш! Время обеденное, пора и перекусить. Нынче Аграфена пирогов напекла, так мы ими и пообедаем. Только не в этой духотище. Пошли на свежий воздух. - Егор снял фартук и, подхватив котомку со снедью, шагнул за порог. Дмитрий последовал за ним.

Кузница стояла неподалеку от реки, на небольшом береговом уступе, и прямо от дверей ее открывался захватывающий вид и на саму реку, и на широко раскинувшиеся за ней заливные луга с блестящими окнами старинных озер, и на гряду невысоких холмов, уходящих дальше, к горизонту. Сзади же и выше по склону привольно раскинулось их село Благовидово с большой белокаменной церковью о четырех куполах и цветущими садами, в которых тонули небольшие, но добротнo срубленные хатки с аккуратными соломенными крышами.

Слева от села виднелись рассеченные межами земельные угодья благовидовцев, а справа, чуть поодаль, над высоким береговым обрывом расположилась барская усадьба господ Мишульских. Усадьба эта была обнесена со всех сторон высокой каменной оградой, и вход в нее для простого люда был строго-настрого запрещен, так что по дороге, идущей от моста к воротам усадьбы мимо Святого ключа с часовней, никто, кроме гостей Мишульских и их многочисленной челяди, не ходил и не ездил, хотя считалась она дорогой мирской и все заботы по поддержанию ее в надлежащем состоянии лежали на жителях села. Сами же сельчане довольствовались узкой тропинкой, что лепилась к самой реке и обходила усадьбу под обрывом, а потому единственное, что можно было видеть с нее, это поблескивающую на солнце железную крышу господского дома да небольшую калитку, ведущую из усадьбы к реке, сквозь щели в которой проглядывала широкая мраморная лестница, круто вздымающаяся к барским хоромам.

Зато слухов о том, что скрывалось за высокими каменными стенами, было больше чем достаточно. Сказывали, будто были там и какие-то зимние сады под стеклянными крышами, где росли диковинные заморские деревья, и специально вырытые пруды с плавающими в них невиданными бело-

розовыми птицами, и невообразимой красоты беседки, где слышалась невесть откуда берущаяся музыка. А вдоль парковых аллей были якобы наставлены самосветящиеся фонари и каменные изваяния голых красавиц, вывезенные чуть ли не из самой Италии.

Впрочем, молодой подручный кузнеца был в каком-то отношении счастливее своих односельчан. Случалось, что Гаврила, господский приказчик, иной раз проводил его с кузнецом через заветную калитку, чтобы подремонтировать кое- что в господских хоромах, и он собственными глазами мог видеть многое из того, о чем другие лишь слышали от господской челяди.

А вот на днях ему посчастливилось увидеть и молодую хозяйку сказочной усадьбы. И это было, пожалуй, в тысячу раз большим чудом, чем все другие чудеса, с какими ему довелось встретиться в имении господ Мишульских.

«Да, если б увидеть ее еще хоть раз...» - снова мысленно повторил он, поглядывая на сверкающую на солнце крышу господского особняка.

- Ну, что задумался, парень? - напомнил ему о себе кузнец. - Садись ешь, считай, что тут Глафира и на тебя напекла.

- Спасибо, дядя Егор, я уж и не помню, когда ел такие пироги.

-то-то и оно! Стряпать Глафира мастерица. Дмитрий взял со скатерти второй ломоть пирога и чуть

не поперхнулся надкусанным куском: из-за поворота тропинки, над которой они расположились перекусить, показалась небольшая стайка девушек, среди которых он сразу узнал прекрасную незнакомку, встретившуюся ему у Святого ключа. То была, несомненно, барышня Мишульская со своими служанками, вышедшая из господской калитки пройти по берегу реки.

Старый кузнец сидел спиной к идущим по тропинке и не мог их видеть, а Дмитрий готов был сквозь землю провалиться от охватившего его смущения.

- Да ты чего это? - удивился Егор. - Не подавился, случаем?

Но Дмитрий продолжал как завороченный смотреть на приближающуюся компанию, не в силах произнести ни слова.

- А- а, вон оно что! - догадался наконец кузнец и, вскочив с места, низко поклонился господам.

Дмитрий неловко последовал его примеру. Он был уверен, что барышня окинет его презрительным взглядом и молча

пройдет своим путем. Но та остановилась, сошла с тропинки, подошла к ним и, мило улыбаясь янтарными глазами, приветливо произнесла:

- Приятного аппетита вам, добрые люди.

- Спасибо, барышня, милости просим к нашему столу, - ответил Егор.

И тут произошло нечто совсем уж невероятное: молодая госпожа махнула рукой служанкам, чтобы те отошли в сторону, и, поднявшись на пригорок к кузнецам, опустилась на поспешно разостланную Егором холстину.

- Нет, откусать с вами я не могу, потому что сама только что из-за стола. А вот поговорить нам есть о чем. Да вы садитесь, садитесь! - спохватилась она. - Что же вы, так и будете стоять передо мной?

Егор опустил на свое место, потянул за собой Дмитрия:

- Мы слушаем вас, барышня.

- Я вот о чем хотела вас попросить, дядя... Егор, если не ошибаюсь.

- Так точно, барышня.

- Не смогли бы вы, дядя Егор, сделать для меня такую вещицу? - она протянула ему небольшой металлический ключ. - Это ключ от нашей низовой калитки. Он почему-то всего один. И тот приходится просить у Гаврилы. А я хотела бы иметь и свой собственный.

- Ну что же, барышня, сделаем вам ключ. Как не сделать. Вот Митрий этим и займется. Он на это дело мастер.

- Вот как! Рада это слышать. Кстати, вот и познакомили нас. Вы, значит, Дмитрий? - обратилась она к окончательно смутившемуся парню. - А меня зовут Анастасия. Можно

просто - Настя. Тогда и я буду звать вас Митя. Так сколько времени понадобится вам, Митя, чтобы сделать такой ключ?

Дмитрий повертел ключ в руках:

- как вам сказать... Много времени не займет. Да ведь вам надо, наверное, сегодня же вернуть его Гавриле?

- Ну, за этим дело не станет, - вмешался в разговор кузнец. - Сделаем слепок на воске, и дело с концом! Так что сможете вернуть ключ в любое время. А новый... За новым приходите завтра, примерно также в обед. Верно, Митрий?

- Да, я уж постараюсь...

- Спасибо вам, добрые люди. До завтра, дядя Егор, до завтра, Митя. - Она вновь одарила его обворожительной улыбкой и вернулась к ожидавшим ее девушкам.

- Ну дела! - покачал головой старый кузнец, проводив ее взглядом. - Не иначе как приглянулся ты ей, Митрий.

- Скажешь тоже, дядя Егор! - вспыхнул Дмитрий. - Понадобился барышне ключ - вот и...

- Вот и покажи ей свое мастерство.

- Ой, боюсь я, дядя Егор. А ну как не понравится ей моя работа.

- Не робей, парень. Что, я не знаю, на что ты способен?

- Да, ради нее я никаких сил не пожалею.

- Вот и ладно. Сейчас же и начинай.

Глава вторая

Стоит ли говорить, с каким усердием принялся юный кузнец за исполнение заказа барышни Мишульской. К утру следующего дня ключ был почти готов. И какой ключ! Вместо простого кольца-рукоятки, какими обычно снабжаются дверные ключи, Дмитрий выковал на нем изящную фигурку плывущего лебедя, а в основании бородаки выгравировал красивую букву «А» - начальную букву имени прелестной заказчицы.

Оставалось вручить ключ его будущей хозяйке. Ради такого случая он даже надел по требованию тети Глаши свежую рубаху и тщательнее обычного причесал свои непослушные вихры. Но от одной мысли, что надо будет о чем-то говорить с барышней, отвечать на какие-то вопросы, Дмитрия заранее бросало то в жар, то в холод. Нет, он не сможет при ней и рта раскрыть!

- Дядя Егор, а дядя Егор, - наконец обратился он к своему названому отцу. - Ты бы передал ей мою работу. А то мне как-то... В общем, робею я.

- Ну нет! - хмыкнул в бороду старый кузнец. - Сам смастерил, сам и подавай товар хозяевам. А кстати, вон и твоя заказчица!

Дмитрий выглянул в дверь и невольно попятился к горну. По береговой тропинке легкой, порхающей походкой, как летящий по ветру мотылек, шла, и даже не шла, а будто действительно летела подгоняемая попутным ветром виновница всех его переживаний. Ее белое полотняное платье волнами билось о еле прикрываемые колени, светлая шляпка, едва удерживаемая голубой лентой, упала за спину, и пышный сноп золотистых, пронизанных солнцем волос жарким пламенем разметался по плечам.

Через минуту Анастасия была уже у кузницы. И трудно сказать, что сделал бы вконец разволнованный Дмитрий, если бы старый кузнец просто не вытолкнул его за дверь.

Теперь ему ничего не оставалось, как склониться в низком поклоне перед барышней и выдать из себя нечто похожее на почтительное приветствие.

В ответ Анастасия одарила его ослепительной улыбкой:

- Доброго утра и вам, уважаемый мастер. Как мой вчерашний заказ?

- Да вот, сделал... - неловко протянул ей Дмитрий свое изделие.

- Ой, какая прелесть! - воскликнула Анастасия, рассматривая ключ. - Это же настоящее произведение искусства! И что вы хотите в оплату за вашу работу?

- Что вы, барышня! Какая оплата?! Я же просто так... Можно сказать, в подарок вашей милости... От всей души...

- Ну что же, пусть будет так. Я тоже подарю вам что-нибудь. От всей души, - добавила она с улыбкой. - Вы, надеюсь, проводите меня. Хотя бы до калитки. Надо опробовать ключ, вдруг он не подойдет.

- как будет угодно вашей милости...

- Да что вы заладили: «вашей милости, вашей милости»! Зовите меня просто Анастасия. Или, если хотите, - Настей. Мы же почти ровесники.

- Так-то оно так...

- Вот и ладненько. Дядя Егор! - окликнула она кузнеца. - Можно я заберу ненадолго вашего помощника?

- Сделайте одолжение, барышня. Хоть на весь день.

- Спасибо, дядя Егор. Пойдемте, Митя.

И вот они идут по узкой прибрежной тропинке вдоль реки. Одни - лишь он и она. Одни на всем берегу. И кажется Дмитрию, одни - во всем мире. И он наконец близко - совсем близко! - видит ее лицо, ее глаза, ее губы. И ощущает запах ее духов, слышит ее голос. И неважно, что почти не соображает от волнения, что она говорит, зато всем существом своим сознает, что большего счастья он не испытывал и не испытает нигде и никогда.

Но как короток, оказывается, путь от кузницы до злосчастной калитки! Дмитрий в последний раз украдкой вглядывается в свою спутницу, чтобы навсегда запомнить ее божественные черты. А она неторопливо вставляет ключ в замочную скважину, легонько поворачивает его, и калитка бесшумно распахивается.

У Дмитрия ёкает сердце: все, конец! Но Анастасия не торопится уходить:

- Спасибо. Еще раз спасибо вам, Митя, за такую отличную работу.

- Ну что там спасибо... - смущенно лепечет он. - Так я пойду, барышня?..

- Опять «барышня»! - грозит ему пальцем Анастасия. - И никуда вы не пойдете, потому что теперь я приглашаю вас к себе в гости.

- как в гости?!

- Так, в гости. Разве вы не знаете, как ходят в гости? Вы же слышали, дядя Егор сказал, что отпускает вас хоть на весь день. И я хочу воспользоваться этим и показать вам свое гнездышко.

- Так ведь я... Так ведь там у вас, наверное...

- Пошли, пошли! - она взяла его за руку и, как маленького мальчика, повела вверх по мраморным ступеням.

Лестница эта была юноше знакома. Но одно дело - плестись с грудой тяжелых металлических заготовок за приказчиком Гаврилой, чтобы наскоро выполнить какую-то работу на парниково- оранжерейном участке или хозяйственном дворе, и совсем другое - идти в гости к самой барышне Мишульской чуть ли не в ее собственные покои. У него аж дыхание перехватило от волнения. А у Анастасии будто бесенята запрыгали в глазах, так развеселила ее робость Дмитрия.

Между тем они вышли на главную аллею, миновали тенистый парк и остановились неподалеку от входа в господский дом. Здесь на широкой скамье под навесом сидели две горничные и усатый молодой человек в костюме дворецкого. Увидев подходящую Анастасию, все трое вскочили и, как по команде, вытянули руки по швам.

Девушка небрежно кивнула им и коротко бросила:

-завтрак на два куверта с фруктами и охлажденным токайским в розовый павильон, пожалуйста.

- Слушаюсь, барышня, - послушно склонил голову усатый. - А какие приказания будут относительно меню?

- Спросите у Аграфены, она в курсе.

- Слушаюсь, - снова как эхо повторил усатый и засеменил в дом. Обе служанки последовали за ним.

- Ну зачем это?.. - попробовал возразить Дмитрий.

- А гости с хозяевами не спорят, - улыбнулась в ответ Анастасия. - К тому же я в долгу перед вами.

- Ну что там, какой-то ключ...

- Дело не только в ключе, Митя. Помните, как несколько лет тому назад вы, будучи еще совсем мальчишкой, бросились возле сельской церкви на помощь незнакомой девчонке, которую чуть не загрызли собаки?

- как не помнить, помню, конечно, - усмехнулся Дмитрий. - Досталось мне тогда. Покусали проклятые псы ноги. А главное - последние штаны изодрали. Только стойте! Откуда вы это знаете?

- Откуда знаю? А вы посмотрите на меня получше.

- как?... - он пристальнее взгляделся в смеющееся лицо девушки. - Так это были вы?!

- Да, Митя, это была я. Это мне, капризному, избалованному, непослушному ребенку, удалось тогда, кажется, в Петров день, улизнуть от отца с матерью и всех, кто их сопровождал, из церкви и нарваться на свору голодных псов. Помнится, мне тогда только что подарили игрушечного ослика из волчьей шкуры, что, видимо, и разъярило собак. Словом, если бы не вы... - она чуть помолчала. - Мне тогда задали, конечно, изрядную трепку. И было за что. А я молила отца только об одном: чтобы как-то помочь бедному мальчику. Но... отец сказал: «Не реви! Ничего не будет твоему спасителю. У этих деревенских сорванцов кожа что мои охотничьи сапоги». До сих пор не могу ему этого простить. - Анастасия вздохнула: - После этого я не встречала вас ни разу. Но вспоминала часто. И когда, возвращаясь три дня назад из города, увидела бедно одетого юношу, одиноко стоящего у Святого ключа, то сразу поняла, что это вы. Сердцем своим поняла. А вчера у кузницы окончательно убедилась в этом: такой симпатичной родинки под правым глазом, как у вас, нет больше ни у кого на свете.

- Скажете тоже... - смутился Дмитрий. - А как вы узнали, что я работаю в кузнице?

- Есть тут у нас одна добрая душа. Моя бывшая кормилица Аграфена Андреевна Лопатова. Это единственный человек, с которым я делюсь. Она на другой же день навела все справки. Так мы и встретились второй раз в жизни. Но пойдемте в павильон. Там, наверное, уже всё приготовили.

Розовый павильон оказался действительно розовым. Но не потому, что был окрашен в такой цвет: весь он будто пылал алым пламенем обвивших его роз. Розы были всюду - на стенах и крыше павильона. А на площадке перед ним заросли их образовали такую плотную стену, что проход через них сузился аж до узкого тоннеля.

В этот живой тоннель и нырнула Анастасия, снова взяв Дмитрия за руку. Впрочем, это уже и не удивило его. Он почти свыкся с мыслью, что все происходящее если и не сон, то, во всяком случае, и не реальная действительность. Да и как еще можно было назвать это сказочное диво.

В самом павильоне, несмотря на огромные зеркальные окна, царил легкий розовый полумрак, что не позволяло сразу рассмотреть все детали его убранства. Хотя посмотреть здесь было на что. Вдоль стен и окон высились красивые вазоны из какого-то шелковистозеленого камня, в каждом из которых весело позванивал маленький фонтанчик; сверху, с потолка свисали причудливые гирлянды разноцветных китайских фонариков, а в простенках между окнами сияли голубоватой подсветкой громадные аквариумы с диковинными рыбками и не менее диковинными водорослями. Мебель здесь составляли несколько удобных плетеных кресел. А посреди павильона стоял большой круглый стол, уставленный всевозможными яствами, большую часть которых Дмитрий не только ни разу не едал, но о существовании которых никогда и не слыхивал.

Между тем Анастасия усадила его за стол, сама села напротив и пригласила жестом к началу пиршества:

- Вот вы и у меня в гостях, Митя. Берите и ешьте все, что вам понравится. И пожалуйста, не стесняйтесь. Я специально приказала прислуге не появляться здесь, чтобы не смущать вас. Но сначала выпьем за нашу встречу. - Она пододвинула к нему бутылку с искристо-

золотистым вином. - Не бойтесь, я не спою вас. Это токайское, в нем не больше двадцати градусов. Но вкус, скажу вам... Впрочем, сейчас сами оцените. Только наполните бокалы: женщине, даже хозяйке, это не к лицу.

Дмитрий осторожно разлил вино, подал бокал Анастасии:

- А дальше?..

- А дальше - чокнемся и выпьем, - громко рассмеялась она. - за встречу, Митя!

- за встречу? Да, за встречу... Хотя я до сих пор не могу поверить, что все это всамделишное, не мерещится мне.

- какой вы смешной, Митя! - снова рассмеялась Анастасия. - Что вам еще мерещится? Это я, это - вы, - коснулась она его плеча. - такие, какие мы есть. Можете даже потрогать меня рукой. А лучше - пейте до дна, и все само собой станет обыденным. Ведь все это, - обвела она рукой окружающее их великолепие, - на мой взгляд, гроша ломаного не стоит, и уж во всяком случае не помешает нам с вами стать друзьями.

- Ой, вы скажете!

- А вы против этого?

- Мне боязно даже подумать такое.

- Вот и залейте страх вином, - осушила она свой бокал.

Дмитрий также сделал несколько глотков, осторожно нацепил на вилку ломтик какой-то красной рыбы. К его удивлению, господское вино оказалось не больше чем сладкой водичкой. Ведь до сих пор он не пробовал ничего кроме самогона и был уверен, что от этого вина у него дух захватит, а на самом деле... Впрочем, уже после второго бокала все тело его налилось бодрящей силой, голова слегка затуманилась, а главное - он почувствовал себя не таким уж ничтожным и жалким и все происходящее обрело черты вполне реальные.

Анастасия тоже заметно покраснелась. Голос ее стал глуше, но как-то проще, душевнее.

- А теперь расскажи немного о себе, Митя, - неожиданно перешла она на «ты». - Этот дядя Егор - твой родственник?

- Нет, родственников у меня нет. Совсем нет. Отец с матерью умерли, братьев и сестер Бог не дал. А дядя Егор... Мы были просто соседями. А недавно... Как вам сказать?.. В общем, взял он меня к себе заместо сына.

- Усыновил, стало быть?

- Выходит, так. Теперь я зову его отцом, а тетю Глашу - матерью. Вот и все мои близкие.

- Но есть у тебя, наверное, и любимая девушка?

- какое там! Кому я нужен, такой увалень!

- Не приbedняйся, Митя. Я уверена, что заглядываются на тебя девки на гулянках.

- А я ни на какие гулянки не хожу. Зачем это?..

- Вот как! Что же ты делаешь?

- Работаю.

- А кроме работы? Не все же время работаешь.

- А кроме работы... Люблю ходить в лес, на луга, за реку. Там прелесть!

- А книги ты читаешь? Или не одолел еще грамоту?

- Читать я могу. И писать тоже. Только где их взять, книги?

- Ну, книги ты можешь брать теперь у меня. А там, за рекой, что такого особенного?

- Словами не расскажешь. Там все не такое, как здесь. Даже воздух другой. Травой пахнет, цветами. В небе жаворонки поют. Да мало ли...

- Слушай, Митя, а ты не взял бы и меня с собой туда, за реку?

- А это как вашей ми...

- Митя! - она погрозила ему пальцем. - Мы о чем договорились?

- Ладно, сходим как-нибудь. Покажу вам все свои любимые места.

Так проговорили они часа два. Потом Анастасия проводила его до калитки. И тут вдруг воскликнула, всплеснув руками: - Ой, Митя, я же обещала что-нибудь подарить тебе! Так вот... - она сняла с себя цепочку с золотым нательным крестиком и, прежде чем он успел

что-либо сообразить, набросила ее ему на шею. - А теперь беги! Беги, беги! И помни - ты обещал взять меня с собой за реку.

- Да как же это так... с крестиком-то?.. Разве я посмею? - начал было Дмитрий. Но она лишь сжала его руку своими маленькими горячими ладошками и побежала вверх по мраморным ступеням, крикнув на прощание:

- До свидания, Митя! До завтра!

Совершенно сбитый с толку, он тщательно прикрыл калитку и медленно побрел к себе в кузницу. Маленький крестик, надетый под рубаху, казалось, хранил еще тепло девичьей груди. А в голове билась одна мысль: «Что это, величайшее счастье или начало величайшего несчастья?».

Глава третья

День начал клониться к вечеру, когда они, возвращаясь с заречных лугов, миновали мост и остановились возле Святого ключа. Здесь Анастасия легонько тронула Дмитрия за плечо и тихо сказала:

- Всё, Митя, дальше я пойду одна.

- Это почему? - удивился Дмитрий.

- Так будет лучше. Незачем лишний раз мозолить глаза всем любопытным. Да и не стоит мне, пожалуй, идти через калитку. Слишком припозднились мы сегодня. А отец мой, сам знаешь... Так что пойду я по большой дороге через парадный вход. Слышишь благовест? Это закончилась обедня в храме. И я смогу, в случае чего, сказать, что задержалась на церковной службе.

- Вот оно что! - понял Дмитрий скрытый смысл ее слов. - Но вы не жалеете о нашей прогулке?

- как я могу жалеть о том, что принесло мне огромнейшую радость?

- Но это может закончиться, как мне кажется, неприятностью для вас.

- Нет, я не думаю, что это будет так. По крайней мере пока... Да если б и случилось что-нибудь подобное, то... Хватит! Я жить хочу. Жить и радоваться жизни. Как радовалась сегодня там, за рекой. Ведь то, как я до сих пор проводила время за этими каменными стенами, да и в городском пансионе, это не жизнь, Митя. Это тюрьма, неволя в золотой клетке. И я так благодарна тебе, что ты дал мне увидеть наконец красоту настоящей, живой природы, вместо той, косметической, какую день и ночь наводят в усадьбе наши садовники, а главное - помог ощутить волю, ощутить всю прелесть жизни, почувствовать себя свободной. Хоть на несколько часов. Но дело не только в этом...

- В чем же еще?

- А это я скажу тебе как-нибудь после. Да, после, - повторила она, почему-то покраснев. - Кстати, а ты сам... Ты рад сегодняшней прогулке?

- Еще бы! Да я...

- И согласишься еще раз провести меня по своим любимым местам?

- Хоть завтра.

- Нет, завтра не получится. Завтра у нас в имении какие-то знатные гости. Чуть ли не сам граф Потоцкий из Рязани. Так что, сам понимаешь... А вот послезавтра... Послезавтра ведь Петров день, престольный праздник. И дядя Егор без слов освободит тебя от работы. Да и я смогу сказать, что пойду в церковь. В Петров день там с утра до вечера служба. Все наши чтут этого святого. Зайду и я поставить свечку. Постояю покрещусь немного и - в лес. Очень хочется взглянуть на эту... как ты сказал недавно, белую рошу.

- Да, это мое самое любимое место в лесу. Представь себе целую рошу берез. Одних берез! И среди них - дуб. Огромный, развесистый, как гриб боровик среди волнушек. Так и кажется, что он что-то нашептывает несмысленным березкам...

- Да ты - поэт, Митя!

- Вы скажете!

- Нет, серьезно. Всякий раз, как ты говоришь о природе, я не могу наслушаться. Не всякому писателю дано такое. Тебе бы поучиться где-нибудь!
- зачем? Дядя Егор вон даже грамоты не знает, а другого такого мастера поискать.
- У каждого своя судьба, Митя. И я хотела бы видеть тебя не просто кузнецом. Но мы еще поговорим об этом. Нот послезавтра в белой роще и поговорим. Только встретимся лучше не здесь, а сразу за мостом, в прибрежном орешнике, где сегодня зайчонка спугнули.
- Сразу с утра?
- Ну, не совсем с утра. А как ударят к заутрене, так и приходи туда. Я не заставлю тебя долго ждать.
- Да я готов теперь ждать вас хоть всю жизнь, - невольно вырвалось у Дмитрия.
- Я верю тебе, Митя. Я и сама... Но пока всё. Всё, всё! Мне действительно пора.
- Ну что же, бегите, коли так. Только... Вы сказали, что завтра ждете графа Потоцкого. Он что, ваш родственник, что ли?
- Если б только родственник! Так нет же. Аграфена шепнула мне, что он чуть ли не сватать меня собирается.
- Сватать вас?! - воскликнул Дмитрий упавшим голосом. - И вы согласитесь на это?
- Ну уж нет, пусть поищет себе другую невесту!
- А если ваши отец с матерью... Если они принудят вас?
- Плохо ты знаешь меня, Митя. Пусть только попробуют. Тогда я закачу такой скандал! А в крайнем случае - сбегу из дома, уйду в монастырь, утоплюсь в речке, только не стану женой этой развалины.
- тогда и я...
- Что ты? Глупенький ты мой! - рассмеялась Анастасия. - Да и что мы словно уже хороним друг друга. Все это еще на воде вилами писано. Были и до графа охотники до моей руки. Многим не дает покоя отцовское богатство. Да не все знают мой характер. А я вот назло всем... В общем послезавтра я скажу тебе такое! А сейчас уже поздно, я пойду. Но через день как договорились - в час обедни в орешнике. До послезавтра, Митя.
- Да- да, до послезавтра, - не переставал шептать он, не сводя глаз с удаляющейся Анастасии. А душа его впервые сжалась в тисках неведомой тревоги.

Глава четвертая

И вот это послезавтра наступило. При первом ударе церковного колокола Дмитрий пулей выскочил из-за стола и, несмотря на все увещания тети Глаши съесть еще хоть кусочек праздничного пирога, вихрем помчался к условленному месту встречи. Здесь, в густых зарослях орешника, он выбрал местечко, откуда, не будучи замеченным, можно было отлично видеть все дороги, ведущие к мосту, и устремил взгляд на ворота в церковной ограде, через которые просматривалась даже церковная паперть и широко раскрытые двери в храм. Именно там должна была, прежде всего, показаться Анастасия, и именно с этой широкой, заполненной народом паперти не спускал он глаз в надежде увидеть ее еще при выходе из церкви. А в том, что он сразу узнает ее среди толпы сельчан и дворовой челяди господ Мишульских, Дмитрий почти не сомневался.

Так прошло с полчаса, а может быть, и больше. Солнце начало припекать даже здесь, в сплошных зарослях кустарника. Служба в церкви, должно быть, уже перевалила за половину. А Анастасия все не показывалась.

«Что же она так долго молится? Уж не случилось ли с ней чего-нибудь?» - мысленно повторял он, пристально, до боли в глазах всматриваясь в пеструю толпу за воротами ограды. А может быть, он не так понял ее и она ждет его где-то в другом месте? Да нет, она ясно сказала: в орешнике, где они спугнули зайчонка.

Прошло еще с полчаса. Толпа перед церковью заметно поредела. Теперь от нее все чаще отделялись отдельные фигуры и направлялись к воротам ограды. Но дальше все они неизменно сворачивали либо на улицы села, либо на дорогу к поместью Мишульских. И хоть бы одна живая душа свернула к реке или хоть как-то была похожа на Анастасию.

«Где же она? Что она так медлит? Ведь скоро, наверное, и обедня закончится, и тогда...» Что будет тогда, Дмитрий боялся даже подумать. При одной мысли, что он так и не увидит ее сегодня, и даже не узнает, что с ней произошло, сердце его, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Такой тревоги, такой душевной муки он не испытывал еще ни разу в жизни. Юноша готов был уже выбраться из своего укрытия, сам бежать в церковь, как вдруг... на дороге из усадьбы показалась одинокая женская фигура и уверенно свернула к реке.

Анастасия?! Дмитрий, не раздумывая, выскочил из кустов и чуть не бегом пустился к мосту. Но уже через минуту стало ясно, что это совсем другой человек. Он даже узнал его. То была кормилица Анастасии Аграфена Лопатова. Что же ей понадобилось здесь, на пустынной дороге в заречные луга? Он поспешил посторониться, чтобы не вступать в разговор с малознакомой женщиной. Но она сама подошла к нему.

- Ты, стало быть, и будешь Митрий, Егоров подмастерье? - с ходу начала она, пристально вглядываясь в лицо Дмитрия.

- Я, тетушка Аграфена, - ответил он дрогнувшим голосом, сразу почувствовав, что ничего хорошего от этой встречи ждать нельзя.

- А я от Анастасии к тебе, мил человек, от барышни моей, - продолжала кормилица, понизив голос. - Наказала она сказать тебе, что прийти сюда сегодня не сможет, так там у нее дела сложились.

- Но почему, тетушка Аграфена? Что случилось? Несчастье какое-нибудь?

- Да как тебе сказать... Батюшка-то у нее, сам знаешь, - суровый человек. Ну и того... не поладили они что-то вчера, при гостях-то: не понравилось, вишь, ему, что не очень почтительно обошлась она с этим... грахвом. Ну, дальше больше... И запер он ее в собственной светелке чуть ли не на ключ. Запретил даже в церковь сегодня идти. А она и от завтрака отказалась, и служанок своих выгнала. Только меня вот к себе вызвала и приказала сходить к тебе.

- Так что, она так и будет сидеть теперь одна в четырех стенах?

- Ну это - дудки! Не из такого материальна сделана она, моя кровинушка. Потому и послала меня к тебе. Так вот слушай, парень. Сегодня, как стемнеет, приходи к нижней калитке и схоронись там в кусточках. А как услышишь, будто кукушка кличет, вот так: «Ку- ку», так и подходи к самой калитке, там она и выйдет к тебе. Понял?

- Понял, тетушка Аграфена. Дай Бог тебе здоровья.

- Да я что! Мне что приказали, то я и исполнила. Она ведь, Настасьюшка-то, мне что дочь родная. На руках у меня выросла. Да и ты, видать, парень путевый. Да пошлет господь вам встречу!

- А этот граф-то, - не удержался Дмитрий, - до сих пор у них гостит?

- Сегодня вечером, говорят, отправится восвояси. И слава Богу! Глаза бы его не видели!

- Чем же он тебе так не глянулся? Граф же, не мужик какой.

- Граф! - фыркнула Аграфена. - Посмотрел бы ты на этого графа! Толстый, лысый, рожа - кирпича просит. Ни дать ни взять боров закормленный. Настасьюшка-то как увидела его, так и из-за стола прочь. Вот папаша-то ее и осерчал. Ей бы сказать ему, что занемогла, мол, я или еще что такое. А она все как есть и высказала. Так тут уж такое началось! Вот ведь дела-то какие. Ну да заболталась я, а она, чай, ждет.

- Да, иди, конечно.

- Бегу, бегу! А ты, говорят, теперь за сына у Егора-то?

- Взял он меня к себе в семью.

- И это дело. Я их, Егора-то с Глафирой, давно знаю. Стоящие люди. Ну, будь здоров. Да не ходи за мной, побудь тут немного. А то, не ровен час, пойдут судачить по селу.

- Да, мне вообще надо побыть одному. Ступай с Богом. Скажи барышне, что непременно буду ждать ее...

А дома его встретил сам Егор.

- Ты откель это, сынок? От обедни, что ли? - хитро подмигнул он Дмитрию.

- Нет, тятя, уговорились мы погулять с барышней Мишу льской, да не получилось сегодня.
- Не получилось, говоришь? - хмыкнул кузнец. - Вижу, что не получилось, звон нос-то повесил. Только, может, и лучше, что не получилось. Пригожая она девица, барышня Мишульская, слов нет, больно пригожая! Да ведь, как говорится, не по себе дерево гнешь.
- Знаю, тятя. Все знаю. А только... тянет меня к ней, так тянет, что места себе не нахожу, часа теперь не могу не думать о ней. Вот не могу, и всё тут!
- Смотри, Митрий, дело твое. Но скажу я тебе: с огнем играешь.
- Что же мне делать-то, тятя?
- Не знаю, Митюша. Не знаю, что и сказать тебе. Ну да, Бог даст, все обойдется. А сейчас давай-ка выпьем по маленькой в честь праздника.

Глава пятая

Сумерки сгустились до полной темноты, когда Дмитрий Вышел из кузницы, где провел остаток дня, и, убедившись, что берег абсолютно пуст, быстро направился к заветной калитке. Здесь тоже было пустынно и тихо, и ничто не помешало ему забраться в прибрежные кусты и устроиться так, чтобы не спускать глаз со стен усадьбы. Впрочем, вскоре все окончательно потонуло в крошечной темноте и оставалось положиться только на слух.

Нервы Дмитрия были напряжены до крайности. Тьма неожиданно оказалась полной самых причудливых шорохов и звуков. Раз два ему показалось даже, что слышатся легкие шаги там, за стеной, на мраморных ступенях и чуть ли не бранные голоса у самой калитки. И только минуту спустя стало ясно, что это всего лишь шелест речных струй да тихий шепот листвы над головой.

А тьма становилась все гуще, все плотнее. Звезды, как кончики огненных копий, будто нацелились на спящую землю.

Сложное, двойственное чувство овладело Дмитрием. С одной стороны, это была радость ожидания, радость огромная, беспредельная, пронизывающая каждую клеточку его тела; с другой - тревога, даже страх перед тем неведомым, что должно произойти. Ведь одно дело - прогулки днем на лоне природы на виду у всех. И совсем иное - тайная встреча глухой ночью наедине.

Порой ему казалось, что было бы даже лучше, если бы она не пришла. Но тут же все существо его наполнялось невыносимой болью от одной мысли, что он не увидит ее снова.

А время шло. И все так же сияли звезды. И шумела вода в реке. И шуршали листья над головой.

Но что это, опять что-то похожее на шаги на лестнице? Нет, от всего этого можно с ума сойти. Ведь если это шаги... И вдруг совершенно отчетливо:

- Ку- ку.

Она!!! Дмитрий рванулся к калитке, припал лбом к холодной двери. И скорее почувствовал, чем увидел, что дверь распахнулась и на пороге предстала любимая.

- Митя, это ты?

- Настасьюшка...

- Боже, как хорошо, что ты пришел! Но где ты? Я совсем тебя не вижу. Иди ко мне.

Он шагнул ей навстречу и в тот же миг почувствовал, как ее дыхание ожгло его лицо, горячие руки легли на плечи, губы ощутили трепетное прикосновение ее губ. На миг ему показалось, что он летит в бездонную пропасть.

- Настенька, я...

- Нет- нет, ничего не говори. Я все вижу, все чувствую...

Небо на востоке заметно побледнело, и предутренней прохладой повеяло с реки, когда они вернулись к калитке и Анастасия в последний раз прильнула к его груди:

-как же коротки эти летние ночи. Только-только встретились, и вот...

- Так ты уже уходишь? - вздохнул Дмитрий.
- Надо, Митюша, что поделаешь. Скоро начнет светать, а тогда, сам понимаешь...
- как не понять. Только когда мы теперь увидимся?
- Трудно сказать... А впрочем, послушай-ка, завтрашний день ведь еще праздничный?
- Да, в престольный праздник у нас три дня гуляют.
- И ты, значит, будешь весь день свободен?
- С утра до вечера.
- тогда я, кажется, придумала. Тут неподалеку живет моя тетка, славная, добрая старушка. Я не раз гостила у нее. Кстати, вчера она была у нас и опять приглашала меня с Аграфеной к себе.
- А это далеко?
- Верстах в шести, если по дороге. У нее там свой домик, ну и все прочее... Так вот, приходи туда.
- В дом твоей тетки?
- зачем в дом. Встретимся где-нибудь поодаль. К тетке я только на минутку заскочу. Оставлю ее с Аграфеной. Они могут часами судачить. А я - к тебе.
- Где же мне ждать тебя? И вообще, как туда добраться?
- Ну, это проще простого. Дойдешь по дороге до первого перекрестка и свернешь к реке. Там, по-над берегом, и увидишь эту усадьбу. А от нее пойдешь сразу вправо, обогнешь небольшой осинничек, поросший хмелем, и увидишь плакучую иву.
- Сразу за осинником?
- Да, ее нельзя не заметить. Огромная такая! Стоит одна- одинешенька. И ветви сплошным шатром чуть не до земли. Ни дать ни взять - клушка с цыплятами! Вот под этой ивой и будешь меня ждать. Согласен?
- Ты еще спрашиваешь! Да я... - он попытался ее обнять. Анастасия мягко, но решительно отвела его руки в стороны:
- Нет- нет! Так мы никогда не расстанемся. До завтра, Митюша.
- До завтра... А этот граф уехал от вас?
- Уехал, чтоб ему голову сломить! Да, право, незачем и говорить об этом ничтожестве. Он того не стоит.
- Аграфена сказывала...
- Аграфена тоже горазда иной раз лишнего сболтнуть. Ну да Бог с ними со всеми! Главное, что мы снова будем завтра вместе.
- А если как вчера... - робко напомнил Дмитрий.
- Никаких если! Вот тебе моя порука, - она закрыла ему рот быстрым поцелуем и стремительно, как тень, скрылась в проеме стены.

Глава шестая

Солнце едва успело подсушить росу на траве, когда Дмитрий, дойдя до названного Анастасией перекрестка, свернул с дороги и, спустившись к реке, увидел небольшой господский домик, обнесенный живой изгородью из шиповника и барбариса.

Кругом не было ни души. Из домика не доносилось ни звука. Лишь в густых зарослях осинника, действительно увешанного космами цветущего хмеля, стрекотала стайка сорок да время от времени раздавался всплеск воды в реке, где играла непуганая рыба.

«Теперь надо пройти чуть вправо», - вспомнил Дмитрий.

Он сошел на бечевник, обогнул осинник и сразу увидел большую красавицу иву, о которой говорила Анастасия. Она высилась на небольшом береговом уступе и в самом деле напоминала курицу-наседку, приспустившую на землю свои ветви-крылья.

Дмитрий обошел ее со всех сторон и, выбрав площадку поровнее, прилег в густую, мягкую траву. В небе над ним плыли причудливые громады облаков, прямо под ухом трещали невидимые в траве кузнечики, а услужливая память снова и снова возвращала к тому, что было прошлой ночью, и грудь сжималась от радости и боли. Да, и боли, потому

что он не мог не сознавать, что все это может привести к большой беде, сколько бы Анастасия ни старалась убедить его в обратном. Однако чувства не всегда подвластны доводам рассудка, и все существо его жаждало только одного - снова увидеть свою ненаглядную, услышать ее голос, взглянуть в ее глаза, ощутить запах ее тела, поэтому единственное, что тревожило его теперь, это боязнь, что ей снова не удастся уйти из дома.

Вот почему с таким тщанием ловил он каждый звук, доносившийся со стороны дороги, в надежде услышать стук лошадиных копыт или шум приближающегося экипажа. Но в знойном воздухе будто застыла гнетущая тишина. А после ночи, проведенной фактически без сна, Дмитрия все больше одолевала дремота, глаза его слипались, в затуманенном сознании теснились какие-то неясные образы, картины, лица. Он старался отогнать их как мог. Но вот уже и ветви ивы слились в кузнечный горн, и снопы искр посыпались из-под молотка Егора, и сам кузнец поднялся во весь рост, что-то бурча себе под нос.

Дмитрий хотел уже спросить своего названного отца, чем он недоволен. Но тот вдруг крикнул чужим, незнакомым голосом:

- Тпру- у! Приехали...

И сразу сон долой! Так это же экипаж Анастасии подкатил к домику, это ее кучер осадил лошадь! А он, Дмитрий, чуть не проспал все на свете. Вот была бы история!

Он мигом вскочил с земли. Но заросли хмеля не позволяли видеть, кто сошел с экипажа. Не слышно было и голосов возле домика. Приходилось снова только ждать. Однако оставаться тут, под сенью ивы, Дмитрий уже не мог. Он сбежал к реке, на бечевник, и - о радость! - сразу увидел идущую по берегу Анастасию.

- Настасьюшка! - он бросился ей навстречу, готовый тут же заключить в свои объятия. Но она лишь шаловливо погрозила ему пальчиком:

- Постой, постой, Митя! Лучше возьми вот эту корзиночку и пойдем подальше от людских глаз.

- А что в ней, в корзине? И зачем она?

- как зачем? Ты же наверняка еще не завтракал сегодня. И мне было не до этого. Вот сейчас и закусим здесь на свежем воздухе.

Они быстро укрылись под сенью ивы, и Анастасия принялась колдовать над разостланной ею скатеркой.

- Это вот холодная телятина, в этом горшочке топлёные сливки, а это вместо чая, - она подала ему небольшую плоскую фляжку, в которой булькало что-то явно покрепче названного ею напитка.

Все это было, конечно, более чем кстати: Дмитрий, уходя из дома, действительно даже забыл о завтраке. Но сейчас он

видел перед собой лишь глаза и губы Анастасии, с которых не сходила сводящая его с ума улыбка. А та, казалось, только и думала, как получше накормить Дмитрия, подкладывая ему все новые и новые кусочки различных деликатесов, которым не видно было конца.

Так они сидели друг против друга, нежась в лучах полуденного солнца и обмениваясь не столько словами, сколько взглядами, которые были красноречивее всяких слов. Дмитрий был одет ради праздника в новую сатиновую рубашу, на Анастасии была легкая сильно открытая блузка с крупными перламутровыми пуговицами и шелковая плиссированная юбочка, из-под которой нет- нет да и показывались изящные ножки, от одного вида которых у Дмитрия перехватывало дыхание.

Место они выбрали безлюдное, надежно скрытое от посторонних глаз, и казалось, ничто не может нарушить их затянувшегося пикника.

Так по крайней мере думалось Дмитрию. Но вдруг все вокруг как-то сразу потемнело. С реки потянуло резким ветерком. А где-то вдали глухо пророкотал гром.

- Ой, Митя, - вскочила Анастасия, - смотри, что делает- - ся!

Он поднял глаза вверх и увидел, что огромная черная туча обложила полнеба и стремительно приближалась к ним, словно сминая и проглатывая оставшуюся часть голубого небосклона.

- Да, сейчас полет! - подсадовал Дмитрий.

- Что же делать?

- Что делать? - он с минуту подумал. - А вот что. Видишь вон те стога? Бежим к ним.

- Но что толку...

- Там увидим. Обычно косари под одним из стогов всегда делают что-то вроде норушки. В ней и укроемся.

- А если никакой норушки не будет?

- Должна быть. Бежим, бежим!

Они вихрем помчались по лугу, подбежали к одному стогу, второму, третьему, и когда Дмитрий потерял уже всякую надежду найти то, на что рассчитывал, а сверху посыпались первые капли дождя, в четвертом, самом большом, стоге ясно обозначился узкий, полузаваленный сеном лаз, идущий далеко в глубь стога.

Он быстро обеими руками расчистил его от обвалившегося сена и, не раздумывая, нырнул в открывшуюся темноту.

Норушка оказалась вместительной. В ней можно было даже сидеть, прижав голову к коленям. Но лучше было, конечно, прилечь на мягкое, душистое сено.

- Вот это да! - удовлетворенно хмыкнул Дмитрий и начал выбирать наружу. Но в узком просвете лаза показалась уже голова Анастасии:

- Ну, как там?

- как в сказке! Лучше не придумаешь. Лезь сюда, Настасьюшка.

Она опустилась на колени, нерешительно протянула руки вперед, но он быстро обхватил ее талию и помог протиснуться в узкий лаз. И в тот же миг снаружи раздался такой грохот, будто раскололось само небо, и сплошная стена дождя отделила их от всего мира.

- Страсти какие! А тут действительно неплохо, - промолвила Анастасия, поудобнее устраиваясь на мягком сене. - Представляю, что было бы с нами на воле. А ты чего согнулся там в углу? Двигайся ко мне поближе - места хватит, - она взяла его за руку и потянула к себе.

- Настасьюшка! - он приобнял ее за плечи и прижался губами к пышным волосам. Но тут же снова приподнялся. - А тебе не жестко? Сейчас я подстелю тут немножко, - он сорвал с себя рубашку и попытался подсунуть ее под спину Анастасии. Но та лишь рассмеялась счастливым звонким

смехом:

- Что ты! Здесь мягче, чем на пуховой перине. А уж коль ты все-таки снял рубашку, положи ее мне под голову, чтобы сена в волосы не набралось. Вот так... А теперь ляг ко мне поближе. Слышишь, как там льет? От одного этого у меня мурашки бегут по спине. Погрей меня, Митюша.

Он лег с ней рядом, легонько приник к ее бочку:

- Будь покойна, здесь нам никакой ливень не страшен.

- Особенно с тобой, - прошептала Анастасия. - А какой ты, оказывается, горячий, Митюша, - она провела рукой по его голой груди, плечам, обхватила его шею и вдруг прижалась к нему всем телом.

- Желанный ты мой! Любовь моя! Ох, Митюшенька... - голос ее прервался, по телу прошла волна страстной неги.

Дмитрий также почувствовал, что все в нем напряглось в каком-то страстном порыве, выплеснулось за грань того, что было в его власти. Он почти бессознательно прилег ей на грудь, начал целовать глаза, шею, плечи, ласкать спину, живот, бедра. А она все теснее прижималась к нему, шепча какие-то теплые слова и мелко вздрагивая в ответ на его ласки.

Тогда он принялся целовать ее в губы, нее жарче, пса напористее. Она отвечала ему тем же, и теперь уже сама старалась прижать его к себе. Дыхание ее стало частым, прерывистым, глаза почти закрылись в сладкой истоме. И вдруг тихий стон вырвался у нее из груди.

Он словно очнулся:

- Что с тобой, Настюша?

- Пуговицы, Митя... Пуговицы на блузке... Больно от них мне. И тебе, наверное...

Теперь и он почувствовал, как что-то жесткое, неудобное впивается в тело.

- Сейчас, сейчас! - он приподнялся над ней, нащупал злосчастные пуговицы, расстегнул одну, другую, попробовал сдвинуть их в сторону.

- Нет, - замотала головой Анастасия. - Так не получится. Сними совсем... Блузку сними!

Он расстегнул оставшиеся пуговицы, осторожно стянул с нее блузку и так и замер, потрясенный тем, что увидел в полумраке тесной норушки. Под блузкой оказалась лишь тонюсенькая шелковая сорочка и кружевной лифчик, а под ними... Под ними отчетливо проступили тугие, упруго-округлые холмики грудей с темными, будто подсиненными, упрямо упершимися в ткань сосками и узкая разделяющая их ложбинка с крохотной родинкой у основания шеи.

Анастасия была чудо как хороша. Нет, не просто хороша, она была самым совершенством, созданным Богом на земле. Такое Дмитрий не мечтал увидеть даже в самых тайных, самых сокровенных желаниях своей души. На миг он словно оцепенел от всего увиденного. Но та же властная сила, не подчиняющаяся ни воле, ни рассудку, но, очевидно, также данная человеку Богом, подтолкнула его стянуть с Анастасии и сорочку, и тесный лифчик, после чего он стал покрывать поцелуями и божественные холмики, и соблазнительную ложбинку между ними, и мягкий, податливый животик. А она, словно забывшись в сладкой истоме, лишь тихонько постанывала, судорожно теребя обеими руками его вихры...

Теперь между ними осталась одна-единственная преграда: его грубые пестрядинные штаны и ее шелковая плиссированная юбочка. Но пала бы, наверное, и эта преграда, если бы Дмитрий не заметил вдруг, что вход в их норушку неожиданно вспыхнул каким-то ярким, огненно-красным светом. Что там такое?!

Он чуточку отстранился от прижавшейся к нему Анастасии:

- Настенька, подожди немножко, я выгляну, что там случилось.

- А что такое?

- Не знаю, но, кажется, что-то неладно.

- Ой, в самом деле! Что бы это могло быть?

Юноша выбрался наружу и вмиг похолодел от ужаса: в стог, что стоял рядом, должно быть, ударила молния, и теперь он пылал, как гигантская свеча, рассыпая во все стороны снопы искр.

Дождь, оказывается, давно прошел. Черная туча стремительно уходила за реку. В воздухе не было ни ветерка. Но стоило ему подуть в их сторону, как пламя перекинулось бы и на стог, в котором они укрылись.

- Настя! Настюшка! - крикнул он. - Выбирайся скорее наружу. И всю одежонку прихвати. Тут, оказывается, такое...

Анастасия не заставила себя ждать. Боже, до чего она была прекрасна испуганная, растерянная, полураздетая в свете гигантского факела пожара. Дмитрий готов был упасть на колени и молиться на нее как на неземное божество. Но она уже взяла себя в руки:

- Да, вовремя ты спохватился, Митя. Бог миловал нас. Вот твоя рубашка. И не смотри на меня, пока я приоденусь. Вот так... А теперь - бежим! Бежим, бежим, а то, не ровен час, нагрянут сюда косари, попробуй докажи им, что мы тут ни при чем.

Она первая припустилась по мокрому лугу и остановилась лишь под знакомой ивой.

- Вот теперь окончательно приведем себя в порядок. Как я, не очень похожа на бабу- ягу?

- усмехнулась она, поправляя рассыпавшиеся волосы.

- Что ты, Настасьюшка! Да ты...

- Знаю, знаю, опять будешь комплименты сыпать. Но я серьезно спрашиваю. Мне ведь на люди идти. И вот еще что. Я обещала прошлый раз сказать тебе одну вещь. Так вот, слушай. Или нет, скажу в следующий раз. А сейчас мне пора, Митя. А то еще искать начнут. Здесь мы и расстанемся.

- Но как и где я снова увижу тебя?

- Жди Аграфену, она даст знать. Ну, всего тебе! - она крепко поцеловала его в губы и привычной порхающей походкой пошла к домику тетки.

Дмитрий снова остался один, машинально подобрал с земли оставшуюся после их завтрака корзинку, собрал и закопал в землю бесчисленные размокшие от дождя пакетики и обертки, посидел, подумал, бросил последний взгляд на омытый грозой луг, где догорал уже и второй стог, тот, что на несколько часов приютил их с Анастасией. И только услышав шум удаляющегося экипажа, побрел потихоньку в сторону дороги. На душе у него было почему-то грустно.

Глава седьмая

Прошло пять дней. Пять дней надежд и ожиданий. Ожиданий тем более призрачных, что Анастасия, по сути дела, ничего не обещала. Велела лишь ждать Аграфену. А что Аграфена? Такой же подневольный человек, как вся прислуга. Захотят господа - отошлют ее в какую-нибудь дальнюю деревню, захотят - засадят в каталажку. Вот и жди ее! А Анастасию, видно, опять заперли в четырех стенах. И ничем он, Дмитрий, не может ей помочь. А ведь, кажется, жизни не пожалел бы, чтобы хоть издали увидеть ее. Да где там увидеть! И узнать-то о том, что с ней, нет никакой возможности.

А узнавать было что, потому что бывшая кормилица Анастасии уже несколько дней уговаривала старую барыню отпустить с ней барышню на моление в Заречный монастырь. И уговорила-таки.

Даже сам барин не стал перечить жене с дочерью, знать, проснулась и в нем совесть. К тому же монастырь - дело святое. Может, думал он, хоть милость Всевышнего поможет укротить своенравное дитя.

Словом, как раз на сегодня и был назначен отъезд в обитель. Но откуда обо всем этом было знать тоскующему Дмитрию? Занятый срочной работой, он не заметил даже, как часов в десять утра из ворот барской усадьбы выехал знакомый экипаж и тройка резвых скакунов лихо промчалась мимо Святого ключа и часовни, где когда-то он впервые увидел барышню Мишульскую.

Она и теперь не сводила глаз с часовни и кузницы в надежде увидеть своего возлюбленного или хотя бы услышать его голос. Но все кругом лишь тонуло в летящем из-под колес облаке пыли, а в ушах раздавались бесконечные ахи да охи Аграфены, до смерти боящейся быстрой езды.

Впрочем, пожалеть ее было некому. Выехали они лишь с глухонемым кучером Афанасием, которому кричи не кричи - все без толку, и старой кухаркой Лукерьей, единственной заботой которой было набрать как можно больше снеди и сохранить ее в пути.

Путь же им предстоял неблизкий и так как он лежал через небольшую деревеньку, где жили родственники Аграфены, то решено было заглянуть и к ним на часок- другой, чтобы передохнуть перед дальней дорогой. Таков был, по крайней мере, приказ Анастасии.

Однако едва они поравнялись с домом Аграфеновых родственников, как та деловито обошла экипаж со всех сторон и безоговорочно заявила:

- Всё, приехали! Шарaban чинить надо.

- Да кто же его здесь починит? -подала голос Лукерья.

- Здесь, знамо, некому. Пойду обратно в Благовидово за кузнецом.

- А как же мы? -запричитала Лукерья.

- Не беспокойтесь, все устрою лучше некуда! - отрезала Аграфена. - Давай, Афанасий, - она знаками указала кучеру, чтобы тот распрягал лошадей, и пошла в дом.

Дом этот был добротным пятистенком с тесовой крышей и высокой клетью над задней избой, что говорило о том, что родственники Аграфены были людьми с достатком. Не меньшее впечатление производили и надворные постройки, и сам двор с вместительной конюшней и навесом для телег. Но главное, что больше всего заинтересовало Анастасию, была именно задняя изба с янтарными свежесрубленными стенами и высокими, чисто вымытыми окнами, выходящими во Двор.

Но вот дверь раскрылась, и на крыльце появилась хозяйка дома. Она низко поклонилась Анастасии и, угодливо улыбаясь, пригласила ее войти:

- Милости прошу, барышня, к нам в гости. Очень, очень вам рада. Я словно чувствовала, что вы приедете, - и горницу в задней избе приготовила, и кровать заправила всем чистым. А сейчас и самовар вскипит. Так что будьте как дома. Аграфена сказала, что у вас с экипажем что-то неладно...

- Я, право, мало в этом разбираюсь, - отмахнулась Анастасия. - Наверное, пустяк какой-нибудь.

- Если бы пустяк! - вступила в разговор появившаяся в дверях Аграфена. - Так нет же, дальше ехать совсем нельзя. Побегу сейчас в село за кузнецом. А там -как знать. Во всяком случае, сегодня придется переночевать здесь. Лукерья! - окликнула она кухарку. -занося вещички в дом и проследи, чтобы все было как надо. Степанидушка, ты уж позаботься о барышне.

- Будь покойна, Агаша, -заверила ее хозяйка. Все будет самым лучшим образом.

- Ну, располагайтесь, - махнула рукой Аграфена. - К вечеру мы с кузнецом будем здесь. Так получилось, что после полудня Аграфена была уже в кузнице у Святого ключа и, будто не замечая Дмитрия, обратилась к Егору:

- Дядя Егор, выручай. Беда у нас с барышней приключилась. Поехали мы в монастырь на богомолье, а экипаж по дороге того... Сломался, в общем.

- Что же с ним приключилось, с экипажем?

- Будто я знаю! Тут мужицкий глаз нужен. Послал бы ты Митрия со мной. Пусть посмотрит, что и как. Ну и исправит что надо.

- Вот оно что! - хмыкнул в бороду старый кузнец. - Ну что же... Слышишь, Митрий, какое дело? Сходи выручи барышню.

- Прямо сейчас?

- А чего тянуть? Захвати инструмент какой потребуется, харчишек на день- два...

- Что ты, дядя Егор, каких харчишек?! -замахала руками Аграфена. - Нешто мы не накормим Митрия? Пошли, парень.

-тогда с Богом. Только вот что, Митрий. Зайди домой переоденься малость. Как- никак в люди идешь.

«В люди»? Знал бы старый кузнец, что творилось в душе Дмитрия, когда, наскоро переодевшись, он выскочил из хаты и, нагнав Аграфену, зашагал с ней по пыльному тракту, тем более что та успела шепнуть ему:

- Ты того... много-то инструмента не бери. Там и делать почти нечего, с шарабаном-то. Просто барышне, похоже, повидать тебя захотелось.

Барышне захотелось! А ему? Он даже не заметил, как отмахал полтора десятка верст, слушая и не слыша, что без конца говорила ему словоохотливая Аграфена.

Но вот и заветный дом, где, по ее словам, они вынуждены были остановиться из-за поломки экипажа. С бешено колотящимся сердцем переступил Дмитрий порог передней

избы, ожидая увидеть свою возлюбленную. Но вместо этого глазам его предстал богато накрытый стол с кипящим самоваром и хлопочущая вокруг него Лукерья с чайником в руках.

- Ну наконец-то! Я уж третий раз самовар разогреваю. Садитесь откушайте, что Бог послал. Шутка ли, столько верст по такой жаре! Барышня и та начала уж беспокоиться. А сейчас, видно, отдохнуть прилегла. Да ты ешь, ешь! - принялась она обхаживать Дмитрия.

- Работа, она не волк, в лес не убежит.

- О работе пока - молчок! - сказала как отрезала Аграфена, уплетая за обе щеки холодец с хреном. - На дворе, гляди, уж почти ночь, да и уморились все за день. Шарабаном с утра займемся. А сейчас подзаправимся малость и на боковую - ноги аж гудят с дороги.

- А барышня наказывала сказать ей, как придете, - возразила Лукерья.

- Вот пусть Дмитрий и скажет. Ему, я вижу, все одно кусок в горло не лезет. А я еще чайку попью. Ступай, Лукерья, проводи его в горницу к барышне, да по пути покажи чуланчик, где хозяева постель ему приготовили.

- А если барышня почивать изволют?

- Нешто! Сама говоришь, она наказывала. Видно, что-то насчет шарабана приказать Митрию хочет, или еще что. Ей виднее. А наше дело холопые.

- Ну если эдак-то, пошли, Митрий, - Лукерья провела Дмитрия через сени и остановилась возле двери в закуток, служащий, должно быть, для хранения конской сбруи или садового инвентаря. - Вот тут и переспешь, там все постлано. А вот здесь, - указала она на дверь в заднюю избу, - барышня устроилась. Только стучи к ней сам. А я пойду.

Мало ли чего...

Дмитрий подождал, пока Лукерья уйдет из сеней, и тихонько стукнул в косяк двери. За ней послышались быстрые легкие шаги.

- Кто там?

Боже, ее голос! Дмитрий почувствовал, что все в нем напряглось, как туго натянутая струна, грудь стеснило, во рту стало сухо.

- Это я, Настя... - еле вымолвил он, с трудом переводя дыхание.

- Митюшка, ты... Ты один? К - Да, пришел вот...

- заходи, заходи! А ты поел?

- заставили...

- заставили?! Какой ты все-таки смешной, Митюша. Ну, здравствуй, мой хороший! - Она обвила его шею руками, прижалась к груди, ожгла долгим жарким поцелуем. - как /кс' ты жил все это время? Я, веришь, просто извелась не видя тебя. Ладно хоть Аграфена придумала эту поездку. Проходи, садись вот сюда, на мягкое, ты же устал, наверное.

- Да нет, как можно. Я лучше постою.

- Постой, постой! Может, и руки вытянешь по швам? - рассмеялась Анастасия. - Прошлый раз, в стогу, ты был куда смелее.

- Так то в стогу. А тут...

- А тут что? Грозы не хватает, запахов сена? Глупенький ты мой! Мы же снова одни. Совсем одни! И знаешь что? Помнишь, я обещала сказать тебе кое- что? Так вот, слушай. Если мне и суждено будет когда-нибудь выйти замуж, то моим суженым будешь только ты.

- Что ты, Настя, как же я, простой кузнец...

- А это уж моя забота. Теперь ты мой характер знаешь. Ты или никто! А сейчас... давай поваляемся как тогда, в стогу.

Раздевайся, Митюша.

- Так я и без того... - вконец растерялся Дмитрий, одергивая рубаху.

- Что «без того»? Или ты хочешь, чтобы мы на пол прилегли?

- Не знаю... Тут все такое чистое, нарядное...
- Вот- вот, люди постарались для нас, а ты... Не в рубаше же и в штанах заберешься в чистую постель! Это тебе не норужка в стогу.
- А ты сама?...
- А я... Ты что, не видишь?

Тут только Дмитрий заметил, что на Анастасии всего лишь легкий ситцевый халатик, сквозь полураспахнутые полы которого проглядывает узкая полоска совершенно голого тела. Это было красноречивее всяких слов.

- Настасьюшка моя! - пересилив последние путы стеснения, Дмитрий опустился на колени и, обхватив ее бедра, начал как безумный целовать соблазнительно белеющую полоску.
- Ох, Митя! - слабо вскрикнула Анастасия. - Что ты делаешь? Я уж еле на ногах стою. - Она наклонилась на/1 ним, подалась к нему всем телом. Дыхание ее участилось. Руки судорожно вцепились в его вихры. - Митенька, я падаю... Держи меня! Ох... - больше она не могла вымолвить ни слова.

Тогда он вскочил с пола, поднял ее на руки, прижал к самому сердцу, прикинул губами к оголенной груди.

- Митюшенька, радость моя! - она снова обвила его шею руками, потянулась губами к его губам. - Тебе же тяжело, милый. Ляжем в постельку.

Но он медлил, что-то еще удерживало его от шага к последней черте. Он не мог отрешиться от сознания огромной пропасти, отделявшей его от возлюбленной. Однако поцелуи Анастасии были сильнее всех страхов и сомнений.

Чуть помедлив, он шагнул к кровати и осторожно опустил драгоценную ношу на хрустящие простыни. Однако Анастасия не выпустила его руки из своих:

- Ну что же ты? Иди ко мне, Митюша.

И снова, как тогда в стогу, какая-то сила, не поддающаяся ни воле, ни рассудку, будто толкнула его к Анастасии. Он сбросил с себя остатки одежды и, задыхаясь от переполнивших его чувств, все еще не веря в реальность всего происходящего, прилег рядом с ней. Пока только прилег - робко, боязливо, не решаясь даже до конца распахнуть ее халатик. Но так продолжалось лишь мгновение. В следующую секунду, стоило только ей прижаться к нему, все сокрушающая сила страстной нежности заполнила все его существо, захлестнув последние крохи рассудка, и оба они потонули в бездонном омуте любовного экстаза...

Глава восьмая

Теперь они встречались часто. Преданно- услужливая и хитрая на выдумки Аграфена то сопровождала Анастасию в уездный город на ярмарку, то ехала с ней к ее любимой подруге по пансионату в соседнее село, то просто приглашала навестить каких-то своих родственников на дальнем хуторе. И всякий раз где-нибудь по дороге им «случайно» попадался бредущий с котомкой за плечами Дмитрий, и они, конечно, «соглашались» подвести его по мути, благо «шел» он примерно туда же, куда они ехали. Л найти затем для них с Анастасией укромное, скрытое от посторонних глаз местечко было для Аграфены проще простого.

Сложнее было Дмитрию каждый раз объяснять своему названому отцу причину неожиданной отлучки из дома. Но он сразу откровенно признался ему во всех своих сердечных делах, и старый кузнец вынужден был скрепя сердце не перечить любимому чаду.

Так продолжалось до самой осени. Для Дмитрия все это лето было одним сплошным фейерверком радости и счастья. О будущем он не думал, старался не думать. Чувство, овладевшее им, было настолько велико, что заставляло молчать любые доводы трезвого разума.

Анастасия, похоже, тоже не очень задумывалась, чем может кончиться их роман, хотя в глубине души и лелеяла надежду на счастливый конец. Ведь, как бы там ни было, она

была единственной наследницей громадного состояния Мишульских и рано или поздно должна была юридически вступить в права владелицы этого состояния. Кто тогда стал бы указывать, за кого ей выйти замуж? А пока... Пока она беззаботно отдавалась охватившему ее чувству, тем более что ничего не мешало их с Дмитрием свиданиям.

Несчастье пришло неожиданно и, как всегда, с той стороны, откуда его не ждешь. Накануне Аграфена предложила девушке съездить вместе с ней дня на три на ее родину, навестить могилы отца и деда. Все переговоры с матерью, с которой Анастасия решала подобные вопросы, прошли как нельзя лучше. И в воскресенье утром решено было выехать в сопровождении лишь кухарки Лукерьи и кучера Афанасия, большого приятеля Лукерьи, да и самой Аграфены.

Дмитрий был, естественно, заранее предупрежден, успел переговорить с отцом, собрать нехитрые пожитки. А в субботу вечером... В субботу вечером в кузницу прибежала запыхавшаяся Аграфена и, отозвав Дмитрия в сторону, зашептала ему на ухо:

- Слышь, Митрий, беда у нашей барышни. Опять они с отцом не ладили. Да как не ладили! В общем, никуда мы завтра не едем. А сегодня, как стемнеет, приходи опять к нижней калитке. Там она тебе все расскажет. Страшное что-то затеял барин-то. Барыня и та хотела заступиться за дочь. Да где там! Сама слышала, как он орал на них обеих. Молчать, кричит, русалочье отродье! Не вашего бабьего ума это дело. Как я сказал, так и будет!

- Да что он задумал сделать-то? - вскричал Дмитрий, холодея от тревоги.

- А этого она даже мне не сказала. Зашла я к ней, а она в слезах. И говорит так жалостливо. Ни о чем, говорит, меня не расспрашивай, а беги сейчас же к Митрию и скажи, чтобы пришел он ближе к ночи к нижней калитке. Условный знак - тот же. Вот я и прибежала.

- Так что у них - опять гости? - догадался Дмитрий.

- Не знаю, ничегошеньки не знаю. А только плачет она, сердечная, места себе не находит. Я уж и так, и эдак. Да что я могу. Так придется ты?

- Ты еще спрашиваешь! Буду там сразу, как стемнеет.

И не уйду до утра.

И снова ночь. Снова лишь звезды над головой. Снова минуты томительного ожидания и тревожного предчувствия чего-то страшного и неотвратимого.

Но вот - шаги. И ее голос.

Боже, какое это счастье - услышать милый голос, увидеть в темноте любимые глаза. Но что это - слезы? Да, глаза

полны слез.

Он бережно привлек к груди ее вздрагивающие плечи, легонько коснулся губами ее волос:

- Настенька, что с тобой? Что случилось?

- Беда, Митя. Отец грозит выдать меня замуж.

- как?!

- Вчера опять приехал этот мерзкий граф и уговорил отца отдать меня ему в жены.

- как же это?... А ты сама?

- Что я сама? Я сказала, что скорее головой в прорубь, чем соглашусь стать женой этой развалины. А отец и слышать ничего не хочет. Даже маму побил.

- Что же теперь делать-то, Настасьюшка?

- Ой, не знаю. Аграфена говорит, надо как-то известить графа. Да как его изведешь?... На днях вот они с отцом на охоту поедут. Буду Бога молить, чтобы он там голову свою разбил. Только, говорят, на такие молитвы Бог не откликается. Вот если бы... - она муть помолчала. - завтра, я слышала, Гаврила поведет к вам и кузницу графскую лошадь подковать, так, может быть, дядя Егор .. может быть, он сделает что-то такое, чтоб лошадь сбросила своего седока или еще что...

- А может, мне самому как-нибудь подкараулить и оттузить этого прохвоста?
- Нет- нет, только не это! Тебя схватят, изуродуют, убьют. Боже, и за что мне такое несчастье?! Но сегодняшняя ночь наша. Сегодня я не отпущу тебя до утра...

Глава девятая

- Так- так... Снова граф Потоцкий! - проговорил старый кузнец, выслушав сбивчивый рассказ Дмитрия. - Будь это кто-нибудь другой, я бы пальцем не пошевелил, чтобы встрять в эту вашу с барышней историю. Но граф Потоцкий... Ты знаешь, что за шрам вот тут у меня на плече? - ткнул он пальцем в широкий рубец, проглядывавший из-под ворота рубахи чуть ниже шеи. - Это след нагайки того самого графа Потоцкого. И я еще тогда поклялся отомстить ему за его барскую спесь: врезал мне только за то, что я не успел ему поклониться. Ну, держись ваша светлость! Ты говоришь, сегодня приведут мне подковать его лошадь? Ладно, попробуем что-нибудь придумать. А с барышней ты все-таки поостерегся бы встречаться. Граф графом, а если толки об этих ваших встречах дойдут до ушей старого барина, то не сносить тебе головы.

- А мне без нее все равно не жить.

- Это я уж понял, потому и не перечу тебе ни в чем., Только - береженого и Бог бережет. Так что ступай-ка сегодня домой, там надо кое в чем помочь Глафире по хозяйству. Лучше будет, чтобы Гаврила не видел тебя здесь, когда придет с лошадьми. Иди, иди! А я тут покумекаю кое над чем.

-только, тятя, ты тоже побереги себя с графским заказом-то.

- Ну, я стреляный воробей.

А через два дня по селу прокатился слух, что на недавней борзовой охоте, которую Мишульский устроил для своих гостей, самый знатный из них - граф Потоцкий свалился с лошади и разбился так, что чуть Богу душу не отдал. Говорили, что конь, на котором ехал граф, на полном скаку взвился на дыбы и сбросил своего седока на кучу камней. Что заставило лошадь сделать это - испугалась ли чего-нибудь или наступила на что-то острое, никто сказать не мог. Ничего не мог сказать и старый кузнец, незадолго до охоты перековывавший графских лошадей и не заметивший ничего такого.

Лишь один человек догадывался об истинной причине всего случившегося - Дмитрий, и потому уже вечером, выбрав удобный момент, он подошел к своему названому отцу и сказал:

- Спасибо тебе, тятя.

-за что это спасибо? - нахмурился кузнец.

- Сам знаешь, за что. Всю жизнь мы с Анастасией будем теперь за тебя Богу молиться.

- Вот Бога и благодарите за все, что было, ибо сказано: без его воли ни один волос не упадет с головы.

Как бы там ни было, а через несколько дней полуживого графа в специально оборудованной карете увезли в его вотчину, и все разговоры о предстоящей свадьбе в имении прекратились.

Но беда никогда не приходит одна. Вскоре кто-то, видно, донес старому барину о любовных встречах его дочери с молодым кузнецом. И снова вспыхнул скандал. Да какой скандал! Аграфена была выслана в свою родную деревню, обе горничные Анастасии отправлены на скотный двор, а самой барышне строго- настрого приказано было не отлучаться из усадьбы без присмотра специально назначенной гувернантки из пришедших немцев.

Барин распорядился даже кровать ее поставить в комнате, смежной со светелкой Анастасии, чтобы та и ночью не могла выйти незамеченной из своих покоев. Ну, да эту старую полуслепую развалину можно было бы еще как-то перехитрить. Однако Мишульский не остановился на этом.

Аккурат в день Покрова, на который приходились именины Дмитрия, старый кузнец был вызван к старосте села и пришел от него мрачнее тучи.

- Беда, мать! - еле выговорил он, тщетно стараясь справиться дрожащими пальцами с пуговицами поддевки. - забирают Митрия в солдаты.

Побледневшая Глафира лишь слабо охнула и почти в бесчувствии повалилась на лавку:

— Бог с тобой, Егорушка, с чего бы это?

- Такой жребий, говорят, выпал нашему сыну.

- А может, пронесет еще нелегкая? Может, задобрить чем-то кого надо?

- задобрить! - мрачно усмехнулся кузнец. - Что наши шиши по сравнению с миллионами Мишульских?

- Думаешь, это они подбили старосту?

- Тут и думать нечего. Слышала, чай, что болтают о Митрии-то с барышней Мишульской?

- Мало ли что народ болтает...

- На всяк роток не накинешь платок. Да и что теперь об этом говорить... Где сейчас Митрий-то?

- Здесь я, тятя, - вышел Дмитрий из-за перегородки, где умывался после работы. - Я все слышал, что вы говорили. Тем и должно было кончиться. Да и к лучшему все это. Что бы мы стали делать с Анастасией? Ей - одни муки. А мне и подавно. Видно, с судьбой не поспоришь. Да и нет уже здесь моей любушки. Отправили ее вчера чуть ли не на край света, в землю польскую. Вот все, что от нее осталось. - Дмитрий выложил на стол небольшой сверток, завернутый в платок. - Прибег сегодня в полдень знакомый парнишка из усадьбы - внук тамошней кухарки Лукерьи и сказал, что послала его ко мне тайком сама Анастасия и наказала передать, что уезжает она далеко и надолго, может быть, насовсем и посылает мне вот это. - Дмитрий развернул платок и извлек из него красивый золотой портсигар, обвитый черной муаровой лентой.

- Господи, что это за похоронная реликвия такая? - истошно перекрестилась Глафира.

- А нас итак словно бы похоронили. Меня и ее. Разве то, что мне осталось, будет жизнью? Ладно еще в солдаты забирают. А то бы камень на шею да и... - Дмитрий отвернулся к окну и зажал лицо руками.

- Ну, ты говори, да не заговаривайся, - строго прикрикнул на него кузнец. - В жизни всякое бывает. Да ведь дается-то она, жизнь один раз. И надо уметь все в ней вынести. А главное - научиться терпеть, надеяться и ждать.

- Ждать? Чего ждать, на что надеяться?! Вы послушайте, что она написала мне. - Дмитрий раскрыл портсигар, где

вместе с массивным обручальным кольцом и локоном девичьих волос лежала свернутая несколько раз записка, и, развернув ее, прочел:

- «Мой милый, дорогой, единственный! Все кончено. Завтра чуть свет меня насильно увезут надолго, может, навсегда к каким-то дальним родственникам отца в Польшу, под Краков, так что мы не сможем даже проститься. Тешу себя надеждой, что мне удастся переслать тебе хоть эту записочку и обручальное кольцо, которое я так мечтала когда-нибудь надеть тебе на палец. Ведь лишь тебя одного любила я всей душой. И только тебя одного буду любить до конца жизни, что бы ни случилось с тобой там, на царской службе, и что бы ни сделал со мной мой постылый отец. Сам Бог обручил нас здесь, на земле. И лишь его милость соединит нас в царствии небесном.

Навеки твоя Анастасия».

- И еще... - голос Дмитрия упал до шепота: - «Видит Бог, я не вынесла бы разлуки с тобой, наложила на себя руки, если бы не почувствовала, что во мне затеплилась другая, подаренная тобой, жизнь. Разве я могу убить ее?...».

Дмитрий снова закрыл лицо руками, тщетно стараясь подавить подступившие к горлу рыдания. Глафира плакала в голос, упав головой на стол. И лишь старый кузнец не проронил ни звука, стиснув зубы и сжав в кулаки свои жилистые, почерневшие от железа руки. Наконец губы его разжались:

- Значит, Бог даст, появится на свет наш внучек или внучка. .. Вот ради этого, Митрий, тебе и надо жить. На встречу с этим своим отпрыском надеяться. И встречи с ним ждать. Ждать во что бы то ни стало! А там, Бог даст, и с Анастасией своей соединитесь. Не век же будет жить этот аспид, ее отец. А у вас впереди вон еще сколько лет.

- Спасибо тебе, тятя, на добром слове, - немного успокоился Дмитрий. - А когда отправка в солдаты-то?

-завтра, сынок. Завтра с восходом солнца. Староста грозил еще сегодня забрать тебя в съезжую. Бойся, вишь, не сбежал бы ты ненароком. Да я упросил его повременить до завтрашнего утра. Так что побудем еще вместе эту ночь. И вот что я удумал. Есть у меня подарочек для тебя. Аккурат к твоим сегодняшним именинам сковал я тебе кинжал из заморской стали. Был у меня кусок такого металла в заглавнике. Знатный кинжал получился. А теперь вот... Не с собой же его тебе везти. То же и эта вещичка Анастасии с ее кольцом. Мы бы с Глафирой сохранили все это до твоего возвращения. Да разве нам дожить до того дня! Вот я и удумал запрятать все это в какой-нибудь коробок и закопать где-нибудь в заветном месте. А Бог даст, вернешься сюда, все будет в целости-сохранности.

Глава десятая

И вот Дмитрий снова у часовни над Святым ключом, где когда-то впервые увидел ту, что стала ему дороже жизни, с кем узнал, что такое любовь, счастье, и с потерей которой понял, что значит глухая, непроходящая тоска.

Пришел он сюда со своим названным отцом, давно уже ставшим родным, близким человеком. Пришел, чтобы спрятать надолго, если не навсегда, самое дорогое, что у него осталось, - память о любимой, и пусть крохотную, но надежду на встречу с ней.

Здесь, у самого основания задней стенки часовни, выкопали они яму и погребли в ней тщательно заделанную и просмоленную коробку с кинжалом и последним подарком Анастасии.

- А теперь, тятя, оставь меня одного, - тихо промолвил Дмитрий. - Ведь здесь сейчас мы словно ее саму похоронили. Да и всю жизнь мою горемычную. Здесь же и с тобой давай простимся. Вон уже утро занимается. А там, на людях...

- Ну что же, с Богом, сыночек, - кузнец крепко прижал его к своей груди и, трижды поцеловав в губы, исчез в ночном мраке.

Тут только Дмитрий окончательно ощутил весь ужас одиночества, которое нависло над ним как могильный камень и конца которому не видно было до гробовой доски.

Над головой юноши, как всегда, раскинулся огромный иссиня- черный шатер неба, в глубине его по-прежнему мерцали рубиновые искорки звезд, в уснувшей реке привычно шуршали невидимые во тьме струи воды - все то же и так же, как в памятную ночь, когда он в первый раз ждал под стенами барской усадьбы свою любимую. Но сегодня ждать было нечего. Как нечего было ждать и от всей оставшейся

жизни. И такая смертельная тоска охватила его, что упал он на колени, прижался лбом к свеженасыпанному холмику земли и, борясь с подступившим к горлу приступом рыданий, крикнул в темноту:

- Настасьюшка, милая, родная, где ты теперь? Что еще сделали с тобой эти изверги? Как я переживу все это? - он почувствовал, как горькие слезы ожгли его ресницы, невольно потер глаза руками, и тут... И тут словно какая-то завеса упала с его глаз. Вмиг исчезли и небо, и звезды, и часовня, и Святой ключ. И какой-то яркий, необыкновенно белый свет хлестнул в глаза. И тихий, но явственный голос - ее голос! - прозвучал в ушах:

- Здесь я, здесь, с тобой. Неужели ты не видишь меня?

Дмитрий постарался пошире раскрыть глаза и действительно увидел, что над ним склонилось милое, родное девичье лицо. Правда, не совсем такое, какое он привык видеть. Что-то немного изменилось в нем. Но глаза ее, огромные, светло- янтарные, искрящиеся

любовью глаза, были точно такими же, и такие же нежно трепещущие губы коснулись его губ.

Он снова закрыл глаза, боясь, что исчезнет это волшебное видение, но нежно ласкающие губы покрыли поцелуями все его лицо, шею, грудь, и до боли знакомый аромат ее волос, ее одежды, ее тела будто окутал его сплошным, плотным облаком, унося в дни недавнего безмерного счастья.

Тогда юноша снова открыл глаза, чуть приподнял голову. Да, она была все тут же, рядом. Ее руки ласково пригладили ему волосы, задержались на висках, коснулись щек... Но где он находится и как оказался здесь? Откуда этот белый свет, бьющий, как ни странно, из широкого окна, эти белые стены, белые простыни, на которых почему-то лежит он, боясь пошевелить руками?

- Боже, где это я? - наконец прошептал он еле ворочающимся языком.

- Не волнуйся, Сереженька. Пока ты в больнице. Но опасность миновала. Ты пришел в сознание, это главное.

«Сереженька?.. - стесненная мысль разворачивалась с трудом. - Ну да, когда-то меня называли и так. Где-то в другой жизни. И это там, в той жизни была эта девушка, так похожая на Анастасию. Кажется, Софья... Но как же Анастасия, наши с нею встречи, наша любовь? Неужели все это было во сне? Или сейчас мне все только снится?»

- Соня... - нерешительно окликнул он склонившуюся над ним девушку.

- Я слушаю тебя, милый.

- Соня... А я не сплю? Ты не снишься мне?

- Нет, теперь ты окончательно проснулся. И я так рада...

- Но как же...

- Не надо пока об этом. Лучше тебе не волноваться. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но мы успеем еще поговорить обо всем. А сейчас... Выпей вот киселька, я сама сварила. - Она поднесла ему ко рту стакан, и он с наслаждением сделал несколько глотков, чувствуя, как все отчетливее и явственнее возвращается в полузабытую реальность.

Глава одиннадцатая

Они сидели в больничном парке под сенью большого развесистого клена, и Софья, только что приехавшая из ермишской партии в Рязань и сразу же пришедшая к Сергею в больницу, тихо, вполголоса продолжала начатый еще в прошлый приезд рассказ:

- Нет, это были не сны. Это были ясные, совершенно отчетливые воспоминания о том, что будто бы происходило со мной когда-то очень давно. Все осложнялось тем, что я совсем не помнила ни отца, ни матери. Детство мое прошло в одном из интернатов для сирот. И тогда, в детстве, я просто верила, что все это так и было. Ну а потом... Потом я поняла, что это всего лишь больное воображение, навеянное то ли услышанным, то ли где-то прочитанным, и старалась даже отогнать встававшие в памяти картины. Старалась до тех пор, пока не встретила тебя...

- И все-таки что это были за картины?

- Представь себе, я видела, да, словно действительно видела себя в прошлом дочерью богатого помещика - сначала резвой, непоседливой девчонкой, только и думающей, как бы провести нудную, чопорную гувернантку, потом воспитанницей пансиона благородных девиц, тоже не отличавшейся послушанием и благонравием. А по окончании пансиона, в первый же день возвращения в родовую усадьбу, встретила симпатичного сельского паренька и полюбила его. Полюбила на всю жизнь.

Но, сам понимаешь, каково было мне, единственной наследнице богатого барина, окруженной целой сворой служанок, горничных, лакеев, хранить в тайне это мое чувство и, несмотря на все запреты и препоны, встречаться с любимым. Счастье, что у меня в союзниках оказалась преданная и беззаветно любящая меня няня- кормилица из отцовских крепостных. Она и помогала нам встречаться в самых укромных и защищенных от посторонних глаз местах.

Однако шила, как говорится, в мешке не утаишь. И отец мой узнал о нашей связи. Расправа была коротка. Меня отправили к родственникам отца под Краков. А любимого моего забрили в солдаты. В имение я вернулась лишь несколько месяцев спустя. Дмитрий был давно уже в солдатах, дядя Егор и тетя Глаша, усыновившие его и любившие меня как дочь, умерли друг за другом, не перенеся разлуки с сыном. Умерла и моя кормилица. Я бы тоже, наверное, покончила с собой, но... под сердцем у меня билась уже новая жизнь, наш с Дмитрием сынок... Когда родители узнали об этом «неслыханном грехе», меня срочно отправили в одну из дальних отцовских деревень, где и увидел свет мой Митенька, сынок. Да, я так назвала его в память о своем любимом, о судьбе которого не знала, да и не могла абсолютно ничего знать.

Не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая жизнь. Но в это же примерно время умер мой отец, и сердобольная матушка сейчас же распорядилась, чтобы мы с ее внуком возвратились в родовую усадьбу. Трудно сказать, что у нее были за планы относительно нашей дальнейшей судьбы. Но Митенька не прожил и полных трех месяцев. Это был уже конец всему. Ничего больше не привязывало меня к опостылевшей жизни. Единственное, что я могла сделать, это распорядиться - да, теперь я могла и распоряжаться - похоронить его там, где мы фактически обручились с моим любимым, на спуске из усадьбы к реке. Да ты видел этот надгробный камень... - Софья прикрыла лицо руками, голос ее прервался.

Несколько минут прошло в молчании.

- А дальше? Что было дальше? - несмело напомнил о себе Сергей.

- Все, что произошло в течение последующего года, в памяти отпечаталось почему-то очень смутно. Вспоминались лишь бесконечные визиты врачей, горы лекарств, скорбное лицо матери... И наконец последнее отчетливое видение: я в жаркой смятой постели, кругом свечи, слезы родных и близких, крест священника перед самыми глазами. Видимо, это и был мой последний день...

- Понятно...

- Да, со временем и мне стало все понятно. Появились статьи и книги о реинкарнации, о том, что человек может прожить не одну жизнь. Словом, мои «воспоминания» только подтвердили эту идею. Но то, что произошло в этом году... Я знала, что все пережитое мной связано с рекой Ермишь. Эта река постоянно фигурировала в моих видениях. Знала и то, что эта река в Рязанской области. Даже побывала на ней. Но где именно находилась усадьба господ Мишульских и сохранилось ли там что-нибудь от тех давних времен, как и оставалось для меня неизвестным. Вот почему когда я узнала, что управлением планируется проведение геологической съемки в бассейне реки Ермишь, то упростила главного геолога направить меня именно в эту партию. Просьбу мою удовлетворили. Но тут возникли новые осложнения. Не оказалось подходящей кандидатуры на должность начальника партии, а сама я слегла в больницу. Казалось, все пошло прахом. Я даже смирилась с этим. И вдруг узнаю, что начальника партии все-таки подобрали. А мне врачи разрешили через полторы-две недели выехать в поле.

И вот наша первая встреча. Даже еще не встреча, а неожиданно услышанный мною голос, голос, который столько времени звучал во всех моих «воспоминаниях» и вдруг раздался в моей прихожей. Мне показалось, что произошло чудо, что каким-то невероятным образом возвращается само далекое прошлое. А когда я увидела твое лицо, то едва сдержалась, чтобы не броситься тебе на шею. Ведь именно таким рисовала моя память образ отнятого у меня судьбой возлюбленного. Но главное, я увидела, что ты тоже чем-то удивлен, взволнован, обрадован. Неужели, подумала я, это действительно человек, живший когда-то под именем Дмитрия.

Но мало ли бывает в жизни самых неожиданных совпадений. И я постаралась скрыть свои чувства. Тогда мне это удалось. Удавалось и в первые дни работы в поле. Ты помнишь, наверное, каким синим чулком я прикидывалась в начале сезона. Хотя с каждым днем все больше убеждалась, что ты - это мой Дмитрий в прошлой жизни, так же как я - Анастасия в моем прошлом бытии.

Боже, каких сил мне стоило дальше скрывать свои чувства к тебе! К счастью, поездка к бывшему имению Мишульских расставила все точки над «і». Этот вечер по возвращении на базу должен был быть самым счастливым в нашей жизни. А все кончилось такой трагедией... - глаза Софьи наполнились слезами. - Но, слава Богу, теперь все позади. И я снова, как когда-то, будучи Анастасией, могу сказать тебе: «Желанный мой, я твоя, и только твоя на всю жизнь!». А ты? Ты также... - она подняла на него доверчиво ждущие глаза.

Но он, не дав ей договорить, лишь молча сжал девушку в своих объятиях, покрыв ее лицо долгими, горячими поцелуями.